

КАЙСЫН
КУЛИЕВ
•
ЖИВУ
СРЕДИ ЛЮДЕЙ

КАЙСЫН КУЛИЕВ

ЖИВУ
СРЕДИ ЛЮДЕЙ

КНИГА ЛИРИКИ

Перевод с балкарского

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1976

Стихи и поэмы замечательного балкарского поэта Кайсына Кулиева широко известны читателям нашей страны. Его «Книга земли», вышедшая в переводе на русский язык в 1973 году, была удостоена Государственной премии СССР.

В новую книгу поэта вошли стихи, написанные в последние годы. Раздумья поэта о пройденном пути, о близких и дорогих ему людях труда, о назначении человека и его нравственном достоинстве — таково содержание этой книги. Лирика К. Кулиева гражданственна и философична, ее отличают ясность творческих принципов, художественная выразительность образов, яркость поэтических красок.

© Перевод на русский язык. Издательство «Советский писатель»,
1976 г.

*ЭПОПЕЯ БУДЕТ ПРОДОЛЖАТЬСЯ,
ХОТЬ ГОМЕР НЕМНОГО И ВЗДРЕМНЕТ.*

Леопольд Стафф

* * *

Ты раскрываешь новую тетрадь.
Как первый снег, она бела вначале,
И мнится: голос матери опять
Доносится к тебе из дальней дали.

Еще гладка бумага и бела,
Пиши, что знаешь: песню или повесть.
Листы покудова чисты, как совесть,
Какою только в детстве и была.

Ты раскрываешь новую тетрадь
И все же медлишь, не выводишь строчку,—
Ты думаешь, с чего тебе начать
И на каком листе поставить точку.

Ты раскрываешь новую тетрадь,
Как будто начинаешь жизнь сначала,
Как будто будешь наперед писать
Лишь то, что жизнь тебе продиктовала.

Пусть неудачлив ты, незнаменит,
Пусть не легко тебе дается слово,—
Огонь в печи и для тебя горит,
Как для Петрарки или Льва Толстого.

Тетрадь чиста, она снегов белей,
Мир замер, став пустынею большою,
И нет свидетелей и нет судей
Между тетрадью и твоей душою.

Ни на листах, ни на твоих устах
Покуда нет родившегося слова.
А что же есть? Благословенный страх —
Залог удачи и ее основа...

Всем сродни, средь людей ты живешь,
Что они, ту же воду ты пьешь,
Тот же хлеб ты жуешь, и, быть может,
Над тобой, что над ними, листва,
Под тобой, что под ними, трава,
Горы, скалы и реки — все то же,
И людские с твоими слова,
Ты прислушайся,— разве не схожи?

Для чего нам судить и гадать,
Кто умнее из нас иль полезней?
Всем хватает беды и болезни,
Их навряд и тебе избежать.

Кто ни есть — ты один из людей,
Может, лучше, а может, и хуже,
И, один человек, ты им нужен,
Все они тебе много нужней.

Среди всяких присловий хороших
Есть: «И к лошади ластится лошадь!»
Я не знаю: ты плох иль хорош,
Лучше прочих людей или плоше,
Средь людей ты живешь и умрешь.

А поскольку живешь среди людей,
Человеком остаться сумей
В пору радости и лихолетий.
Человеком остаться трудней,
Чем прожить бесполезно на свете.

* * *

Юноши, не бойтесь трудных книг,
Вы не отстраняйте их с тревогой:
К истине идут крутой дорогой,
Потому не бойтесь трудных книг.

Никогда не бойтесь горьких книг,
Книг равнодушных и негладких.
Горькие слова правдивей сладких,
Потому не бойтесь горьких книг.

ПРИСЛУШАЙСЯ К СЛОВАМ

Прислушайся к словам: «Сегодня снег идет», —
звук стерся дочерна, но как бела услада!

Прислушайся к словам: «Сегодня льется дождь», —
всего-то, а душа — свежей дождя и сада.

Прислушайся к словам: «Светает на земле», —
лицо — уже светло, еще темна природа.

Прислушайся к словам: «Звезда встает во мгле», —
и обретут слова значенье небосвода.

Прислушайся к словам: «Печется хлеб в печи», —
нет новости старей и нет желанней вести.

Прислушайся к словам: «Горит огонь в ночи», —
при них тепло, светло, как при тепле и свете.

Прислушайся к словам: «Зеленая трава»,
прислушайся к словам: «Сад расцветает снова», —
и кажется тебе, что мать твоя жива,
и прочен на губах вкус молока парного.

Прислушайся к словам: «Уже луна взошла», —
на землю снизойдет покой благословенный.

Прислушайся к словам: «Гора опять бела!» —
и мысль соотнесешь с веками и вселенной.

* * *

Не хлопочи о славе, не пекись,
Трудись, подобно пахарю на пашне,
И если честно прожил день вчерашний,
То про себя лишь этим и гордись.

Ты не пекись вовек, не хлопочи
О славе, даже славе настоящей,
Ты лучше удивись звезде в ночи
Иль огорчись весною уходящей.

Во славе рукотворной столько лжи.
Не лезь, гонясь за славой, вон из кожи.
Ты лучше честно песенку сложи,
Чему-то удивившись, если можешь.

Своей рукою славы не твори,
Ты лучше, чем искать ее в бореньи,
Идешь тропой — тропу благодари,
Прилег в тени — скажи спасибо тени.

Себя мечтой о славе не трави,
Навстречу ей не делай ты и шага,
Не суетись, работай и живи.
Жизнь и работа — только это благо.

Не стоит слава даже малых сил,
Ты ей не должен придавать значенье.
Так поступали те, кто нас учил.
Ты не для славы вникни в их ученье.

О славе ты не проявляй забот.
Те, кто и впрямь велик, не славе служат.
А слава и сама тебя найдет,
Когда однажды ты ей станешь нужен.

* * *

С волками жить — по-волчьи выть.
Но кто-то все же рядом с нами
По-волчьи воет, может быть,
Живя с людьми, а не с волками.

В минуты трудные подчас
По-волчьи выть и ощеряться
Сподручней для иных из нас,
Чем человеком оставаться.

Порой над пропастью скользить,
Сносить беду и горе молча,
Достоинство свое хранить
Трудней, чем жить и выть по-волчьи.

Среди дворцов, среди халуп
На свете и слова участья
Порой слетают с наших губ,
Порою рвется вой из пастей.

Повадок их не перейми,
Хоть и с волками жить случится.
А если ты живешь с людьми,
Ты бойся в волка превратиться!..

* * *

О чем я мог мечтать?
Я жил, где люди жили,
Тащить по силам кладь,
И печку разжигать,
И песню бормотать
Они меня учили.

Я жил среди живых,
И, хороши иль плохи,
Я был не лучше их,
Добра и знания крохи
Перенимал от них.

Пусть всех, к кому привык,
В какой-то горький миг
Я осужу, отчаясь,
Но я ведь сам от них —
От спутников моих —
Так мало отличаюсь.

Нет, я не лучше всех,
Их грех — не мой ли грех?
Людские все изъяны,
Неправые суды,

Их горести и раны —
Часть и моей беды.

К их злу и к их добру
Причастен вместе с ними.
Я жил с людьми живыми,
И погребенным ими
Мне быть, когда умру...

* * *

Поэзия жива
Надеждой и любовью.
Поэзия — слова,
Но смешанные с кровью.

Поэзия чужда
И позы и притворства,
Хоть это иногда
И терпит стихотворство.

Когда в строках река,
Она мосты срывает,
А если облака,
В них молния сверкает.

А подлинный поэт,
Когда стихи слагает,
Рождается на свет
И умирает.

ГОВОРЮ САМОМУ СЕБЕ

Устав, в груди речь пробуди былую,
новы слова, когда печаль стара.
Свободно шествуй, как вода по лугу,
живи, как встарь умели мастера.

Устав, слова усталостью не мучай,
дай им сверкать! Твои луга — везде.
По грудь в траве идет олень могучий,
идет, пока не припадет к воде.

Устав, не дай словам изведать дрему,
струится сердце, как река без сна.
Склон — по траве, ведро — по водоему
и по словам печалются уста.

Устав, упейся белизною речи,
не сочetaй слова и темноту.
Иди по жизни, как большие реки,
как вольный тур по горному хребту.

* * *

Каким бы малым ни был мой народ,
Он все равно меня переживет,
И будет жив мой край, гнездо в котором
И белый голубь вьет и черный ворон.

Я верую, что будет жить, как жил,
Мой малый род, чье мужество, бывало,
И мужество и силу возвращало
Мне, потерявшему остаток сил.

В долинах будет созревать пшеница,
Как прежде, будут пахари трудиться,
И будет в небесах всходить луна,
И зимними ночами будет сниться
Уставшим людям близкая весна.

И пусть потом иные песни сложат,
Но все же люди, прошлое ценя,
Те песни тоже будут петь, быть может,
Что пели и при мне и до меня.

И что с тобой, народ мой, ни случится,
Я знаю, будет жив язык родной,
В звучании которого продлится
Моя судьба и век недлинный мой.

С тобою, мой народ, должник твой вечный,
Ни дня я в жизни не был одинок.
И сотворил за век свой быстротечный
Хоть и немного, но все, что мог.

* * *

Благодарю тебя, земля моя родная,
За воду, что я пью, за хлеб, который ем,
За то, что здесь рожден, что из любого края
Я возвращаюсь вновь к тебе, родной Чегем!

За то, что в черный час нелегкий путь обратный
Сквозь слезы видел я, как дальнюю зарю,
За тень твоих чинар, за шепот их невнятный,
За наш язык родной — за все благодарю.

За то, что отчий край и радостью и болью —
Всем наградил меня, всем одарил сполна,
За то, что пот и кровь, которые я пролил,
Впитала ты в себя, родная сторона,

Спасибо за большой подсолнух тот, который
Желтел в моем дворе, за отчий сладкий дым,
За серый камень твой, который станет скоро
На кладбище отцов надгробием моим.

* * *

Я не скажу, земля моя родная,
Что в этом мире краше нету края,

Но пусть простят меня, что всех сторон
Милее мне тот край, где я рожден.

И для вороны смоль птенца родного
Светлее белизны птенца иного.

Я видел многое, но землям всем
Предпочитаю мой родной Чегем.

На белом свете нет плохих краев,
Но здесь когда-то был мой отчий кров.

И в детстве я бежал на этот луг,
И поле здесь взрыхлял отцовский плуг.

Моя ль вина, что мне всего вкусней
Хлеб, испеченный матерью моей.

Я не скажу, земля моя родная,
Что лучше нет на белом свете края,

Но этот камень слышал раньше всех
Мой горький плач и мой веселый смех.

* * *

С той чинарой другой, не поодаль стоящей,
Приключилась беда, а тебе повезло:
И грозой и молнией, с неба разящей,
Не тебя, а ее без пощады сожгло.

И зима, что пройдет над горою и степью,
Хоть по-прежнему будет добра и бела,
Теплым снегом покроет лишь угли да пепел —
Что остались от веток былых и ствола.

И на ветках сгоревших залетные птицы
Гнезд своих не совьют, прилетевши весной,
Под листвою ее от жары не укрыться
Человеку прохожему в дождь или зной.

Та чинара не лучшей была и не худшей.
Кто ж ее, за какую вину осудил?
Я не ведаю: это — судьба или случай,
Что огонь не тебя, а ее поразил?

И со мною случалось подобное чудо,
Смерть разила друзей и соседей моих,
И хотя я не лучший из них, но куда
И хожу и дышу, оставаясь в живых.

И пока на земле, что всего нам дороже,
Не преступим и мы роковую межу,
Ты кого-нибудь тенью укроешь, быть может,
Я, быть может, хорошую песню сложу.

Будешь вновь шелестеть ты листвою счастливо,
Я работать, встречая счастливые дни,
Но, наверное, все-таки несправедливо,
Что мы живы, хотя и не живы они.

В ГОРОДЕ КОНСТАНЦЕ ДОЖДЬ ИДЕТ

В городе Констанце дождь идет.
Мокнут улицы, дома, колонны,
Памятник Овидию Назону...
В городе Констанце дождь идет.

Храмы, камни, беспредельность вод
Вижу я, я вижу то, что видел
Он, из Рима изгнанный Овидий...
В городе Констанце дождь идет.

Дождь идет все утро напролет,
Может, потому, изгнанник Рима,
И печаль твоя мне постижима...
В городе Констанце дождь идет.

Тот, кто был изгнанником, поймет
Боль тысячелетнего страдания,
Как похожи в мире все изгнания!..
В городе Констанце дождь идет.

Может быть, сегодня дождь, как тот
Дождь, пришедший из родимой дали,
Смывший здешний след твоих сандалий...
В городе Констанце дождь идет.

Может, завершали здесь полет
Птицы, прилетевшие оттуда,
Может, ждешь ты чуда, но покуда
В городе Констанце дождь идет.

Памятник стоит который год
В крае, где пришлось тебе томиться.
Если и тогда в свою столицу
Не сумел живой ты возвратиться,
Кто ж твой памятник перенесет?
До сих пор твое изгнание длится.
В городе Констанце дождь идет.

* * *

Спасавшие меня в нелегкий день
Деревья моего родного края,
Как часто я садился в вашу тень,
Устало пот рукою утирая.

В моем окне гора, она бела,
В окне деревья нашего аула.
Быть может, к ним любовь меня спасла
И к жизни в черный час меня вернула.

Здесь мать моя, счищая с платья грязь,
После работы летом отдыхала,
И мой отец, в дороге утомясь,
Передохнуть садился в тень, бывало.

Не потому ль я почитал за честь,
Что жизнь моя отсюда начиналась,
Что колыбель моя когда-то здесь,
Под деревом, висела и качалась.

И до конца, до рокового дня,
Пока я жив, пока мне солнце светит,
Я буду знать, что вы — моя родня
Среди родни, оставшейся на свете.

Меня спасая в холод и в жару,
Вы мне тепла и тени не жалели,
А если вы скрипели на ветру,
Казалось мне — играли на свирели...

ГОВОРЮ СКАЛЕ В ЧЕГЕМЕ

Ты, скала, святыня для меня,
Ты — мне утешенье и награда:
Вся моя несметная родня,
Глядя на тебя, бывала рада.

Из моей бесчисленной родни
Многие уже не видят ныне
Снега на тебе в иные дни
Иль тумана на твоей вершине.

И когда, взглядевшись в синеву,
Неизменный за десятилетия
Облик твой я вижу наяву,
Это значит — я живу на свете!

Ты, скала, не больше чем скала,
Но когда-то в дни, что пролетели,
Может быть, ты первою была,
Что увидел я из колыбели.

И потом я весь свой прожил век,
На тебя взирая то и дело,
Нас белил один и тот же снег,
То же солнце нас с тобою грело.

Где бы ни был я, в краю каком,
Мне тебя порою видеть надо.
Я не захожу в отцовский дом,
На тебя хоть раз не бросив взгляда.

Ты, скала, не боле чем скала,
Все же ты счастливее, чем люди:
Ты задолго до меня была,
Будешь ты, когда меня не будет...

МЕЛЬНИЦА

Мельница была — и в этом суть —
Каменной, была от пыли белой.
Мельник был не каменным отнюдь,
И, не успевая отдохнуть,
Все дела он думал переделать.

Поздно понял он, что человек
Не из камня, потому невечен,
И ушел он далеко-далече,
Всех не переделав дел за век,
В край, где нет ни жерновов, ни рек.

Вечным быть лишь камню суждено.
Нет на свете мельника давно,
Мельница ж его не покосилась.
Мелет для живых людей зерно,
Будто ничего и не случилось.

Тает снег весною вдалеке,
Летом в поле тяжелеет колос.
Сколько утекло воды в реке,
Сколько здесь зерна перемололось!

И хотя хозяин здесь иной,
Но течение жернова вращает,
Греет солнце мельницу весной,
А зимою снегом присыпает.

Мельники не каменны отнюдь,
И на мельнице когда-нибудь
Мельника и этого не будет...
Но весной вновь взойдет трава,
Снова каменные жернова
Будут хлеб молоть на радость людям.

* * *

Стоят березы, каждая бела,
Стоят они, терпевшие немало,
Стоят, хоть летом здесь гроза была,
Хоть здесь зимою вьюга бушевала.

С березами случиться все могло,
Что жизнь трудна — и говорить не надо.
И все же было лето и тепло,
И добрый снег зимой на ветки падал.

Светило солнце, вьюга снег мела,
Раздолье было, было лихолетье —
Чередование добра и зла
Судьба дарует всем, кто жив на свете.

Все должно испытать и одолеть.
Березам этим предстоит и впредь
На солнце млеть и на ветру качаться.
Придут невзгоды — надо их терпеть,
Засветит солнце — стоит наслаждаться.

* * *

Чем твой труднее путь,
Чем круче твой подъем,
Тем ты сильнее будь,
Упорней с каждым днем.

Чем твой сильнее враг,
Тем сам ты будь
Те поступали так,
Что были нас умней.

Они теряли кровь.
Хотя и не могли,
Но все ж вставали вновь,
Вновь падали и шли.

Пусть никнет голова,
Тьма застилает свет,
Пока душа жива,
Ты жив — и смерти нет.

Ты жил, ты до сих пор
Среди людей, с людьми.
Ты камень отчих гор
Себе в пример возьми.

Тебя какие дни
Ни ждали б впереди,
Ты пояс затяни —
И все-таки иди!

* * *

И я по молодости лет
Когда-то песни пел беспечно,
Считал и я, что счастье вечно,
А горя в мире вовсе нет.

На голубое глядя небо,
Из родников я воду пил,
И, не вкусив сухого хлеба,
Я свежесть хлеба не ценил.

Вполне осознанно и мудро,
Сегодня так же, как тогда,
Я повторяю: «Здравствуй, утро!»
И «Здравствуй, чистая вода!»

И «Здравствуй, небо, луг с травой!»
И «Здравствуй, хлеб, что мы едим,
Хоть я и знаю: ты порою
Бываешь черствым и скупым!»

И мудрый, зная жизни цену,
Твержу я: «Здравствуй наперед,
Та молодость, что мне на смену
В своей немудрости идет!»

* * *

Снова дождь идет на радость нам,
Мокни, выбегай, кому охота.
Дождь идет и нивам и садам,
Видимо, рассказывает что-то.

Дождь идет, и нам иных щедрот,
Может, и не надо от природы.
Над родной землею дождь идет,
Как в мои мальчишеские годы.

Мочит дождь воловьи рога,
И луга, и груз грузовика,
И дорогу, и рыбачьи сети,
К нам идут дожди издалека,
Повидавши все на белом свете.

Дождь идет все гуще и сильней,
Дождь идет, он говорит беспечно,
Может быть, о вечности своей,
Может быть, о том, что все невечно.

Что-то он полям, горам опять
Говорит почти по-человечьи.
Мы могли б куда умнее стать,
Если понимать его наречье.

Дождь родной земли, знакомый гром,
Помню: вас в мой горький час, бывало,
Там, где быть пришлось, в краю чужом,
Более всего мне не хватало.

* * *

Гора не человек,
И век ей не отмерен.
Чтоб мой продлился век,
Просить я не намерен.

Да и кого просить,
Мольбой своей тревожить?
Бессмертьем одарить
Людей никто не может.

Я у судьбы молил
Не жизни без предела —
Молил, чтоб было сил
При жизни делать дело,
Пока мой дух и тело
Недуг не победил.

* * *

Опять мне чья-то музыка слышна,
И голос матери моей — о чудо! —
Мне слышится, как будто бы покуда
К ней не пришла последняя весна...

Мне слышится в мелодии звучащей
Далекий и безмолвствующий путь
И ветерок, с далеких гор летящий,
Чтоб в соснах затеряться и уснуть.

В мелодии, что слышал я когда-то,
Мне будто снова слышится сквозь сон
И радость победившего солдата,
И горький стон того, кто побежден.

И в этих звуках силы и бессилья
Мне все отчетливее, все слышней
То крики птиц, чьи перебиты крылья,
То ржанье тонущих в реке коней.

Издалека мне музыка слышна,
И милый голос матери оттуда
Меня зовет так, будто бы покуда
К ней не пришла последняя весна...

СПОКОЙНЫЕ СТИХИ

1

И не в последний раз и не впервые
Шумит над полем град, но град пройдет.
А поле это все-таки цветет,
На нем цветы алеют полевые,
С которых пчелы собирают мед.

И в озере колышется вода,
Так, будто озеро не обмелеет,
Журчит река, как будто никогда,
Покрытая нарядной толщей льда,
Не затаится, не оцепенеет.

Осенний ветер копит силу, ждет,
И где-то ладят пилы дровосеки,
Но все ж стоят деревья, лес растет,
Как будто бы ничто их не сожжет
И не повалит их никто вовеки.

И верный конь, которого взрастил,
Так скачет, будто бы другие кони
Его не перегонят, не догонят,
Как будто он не выбьется из сил

И пещу с окровавленных удил
На пыльную дорогу не уронит.

2

Я — не пророк, я не мудрее всех,
Наставник выйдет из меня едва ли,
Но видел я: весною цвел орех,
Хотя зимою вьюги бушевали.

И что бы ни было, мой юный друг,
Я жил и в меру силы делал дело,
Хотя порой горело все вокруг,
Порою все на свете леденело.

И верь ты мне, хотя, быть может, впредь
На белом свете всякое случится,
Луг у дороги будет зеленеть,
Огонь в печи гореть и зреть пшеница.

Зимою выпавший, растает снег,
А если будет холод, то не вечным,
И будет человеческим человек,
Хоть время может быть бесчеловечным.

И сколь безумен ни был человек
В мгновенном или долгом ослепленье,
Я в вечный Разум верю тем не менее,
И верю я: земле цвести вовек!..

3

Пусть светят звезды ночью, солнце днем,
Весь этот мир, мой друг, прими в наследье

И знай, что не настанет день последний
Израненной земли, где мы живем.

Здесь, на земле, я был бы не жилец,
Я сам не знаю, что б со мною случилось,
Коль верил в то, что мне порой казалось,
А мне казалось, что всему конец.

И если б я не пересилил страх
И вера бы моя свернула крылья,
Упали руки бы мои в бессилье,
Застыло б слово на моих губах.

Я многого не смог бы перенести,
Но я всегда надеялся на что-то,
Я знал: хорошее на свете есть
И лучшее — надежда и работа.

Минует много лет и много бед,
Чего здесь нет, чего здесь не бывает?
Но в мире все же есть тепло и свет,
Что хоть немного сердце согревает.

4

Все было здесь: и град, и снегопад,
И быль была, похожая на небыль,
Но горы наши все-таки стоят
И звезды все же озаряют небо.

Я видел ледоход и ледостав,
Все было, все прошло на белом свете.
И если вновь подует черный ветер,
Когда-нибудь уймется он, устав.

Не всякий раз обходим мы беду,
Бывает зной и вьюги ледяные,
Но если думаешь: «Я упаду!» —
Ты упадешь быстрее, чем остальные.

И если тяжело тебе подчас,
Бери в пример родные наши горы
И знай, что лучше стойкости для нас
На белом свете нет иной опоры.

Не будь горяч и на сужденья скор,
Нет горестей, нет бед необоримых.
Терпению учись у наших гор,
Спокойствию — у наших скал родимых.

* * *

В пору детства, далекой порою,
Мать склонялась моя надо мною.
О, Поэзия, в час мой ночной
Будь мне матерью или сестрою,
Тронь мне щеки, склонись надо мной!
Окажи мне, Поэзия, милость,
Сядь со мною, как мама садилась.
Песню спой, подскажи мне слова,
Чтобы мне хоть на миг показалось,
Будто жить еще долго осталось,
Что я молод и мама жива!

Что поделатъ, чем люди старше,
Тем бывает их кровь холодней.
Ты зимою холодной моею
Мне, Поэзия, сердце согрей!
Смерть ты мерой своей абсолютной
Правоту мою, неправоту
Перед той роковою минутой,
Как судьба подведет мне черту.
И с былой материнской любовью
В миг, когда я ресницы смежу,
Засвети мне свечу в изголовье,
Если этого я заслужу!..

ТРАВА И СНЕГ

Снег с травой — так было и есть,
Вы — мой знак, дорогой и желанный.
Снег с травой, вы добрая весть
В день мой светлый, в мой час долгожданный.

Здесь стоял я с горбушкой в руке,
Глупый мальчик, прижавшийся к маме.
Мой Чегем — это снег вдалеке
И трава под босыми ногами.

Если снова восходит трава,
Снег белеет в родимом Чегеме,
Значит, даже в тяжелое время
Мир прекрасен и радость жива.

И не даром, где б ни были, всем
Нам, чегемцам, порою ночью
Снится, снится далекий Чегем,
Снится зелень его с белизною.

Зелень трав и снегов белизна,
Вас любили и наши предтечи.
Закрепленный на все времена,
Ваш союз благодатен и вечен,
Зелень трав и снегов белизна.

Может быть, возвращался весь век
Я живым из любого предела,
Потому что белел этот снег,
Потому что трава зеленела.

До сих пор я забыть не могу,
Как подпаском играл на свирели,
И ягнята паслись на снегу,
И травую снега зеленели.

И пока я на свете живу,
Не забыть мне ни ныне, ни после,
Как за хворостом шел я и ослик
Рвал в лесу из-под снега траву.

Вновь трава зеленеет сейчас,
Снег лежит и на солнце искрится.
Снег с травую, гляжу я на вас,
Может, юность моя возвратится...

И созвучия песни моей,
Где сливаются боль и тревога,
Может, станут от снега светлей
И от зелени чище немного.

СТИХИ, СКАЗАННЫЕ ЗИМОЙ В ЧЕГЕМСКОМ УЩЕЛЬЕ

1

Не была ли завещана мне
Смелость пращуров тех, что когда-то
Здесь, почти в неземной вышине,
Шли и шли по заснеженным скатам?

Так о чем затеваю я речь,
Что мой страх, опасенья, усталость
Иль бесстрашие далеких предтеч
Мне в наследство от них не осталось?

Замерзает в потоках вода,
Скалы хмуры, как серые лица
Аульчан, приходивших сюда
С тем подчас, чтобы не возвратиться.

Знали горцы, попав в снегопад,
Что в селенье не всякий вернется.
Пусть не каждый приходит назад,
Их пример навсегда остается.

Я не в этих ли вырос горах,
Не сроднился ли с их высотой,

Что рождает печальный страх,
Но доверия все-таки стоит!

Кто-то вновь отправляется в путь,
В край, где скалы бездушны и немы.
«Малодушие — трусости суть», —
Говорили поэты Чегема.

2

Нам ли помнить о тех недосуг,
Кто отвагу доказывал делом,
Кто упругий натягивал лук,
Вдаль пускал быстролетные стрелы?

Как мечтали пример нам подать
Те далекие наши предтечи,
Кто свою непосильную кладь
На чужие не взваливал плечи.

Не забудьте ж родившихся здесь,
Дороживших и хлебом и словом,
Пусть же вечною будет их честь,
Как снега в нашем крае суровом.

Воду мы из потоков сейчас
Пьем, откуда отцы наши пили.
«Кто труслив, умирает сто раз», —
Наши предки подчас говорили.

Быть похожим на них умудрись,
В горе духом не падай в бессильи,
В час удачи не очень гордись,
Здесь, у нас, гордецов не любили.

Разве твердость в удел не дана мне,
 Сыну этих вершин и снегов,
 Где в течение стольких веков
 Люди хлеб выжимали из камня?

Нам оставлена твердость навек
 Всеми теми, кто жизнь свою прожил,
 И, мне кажется, падает снег,
 Нам в наследство завещанный тоже.

Снег ложится, и край наш гористый,
 Как при наших отцах, побелел,
 И мне кажется, снег этот бел
 Белизною их совести чистой.

И теперь говорят старики,
 Слово давнее ныне мы слышим:
 «Горы в нашем краю высоки,
 Совесть горцев должна быть превыше!»

И еще с незапамятных лет
 Слово каждый из нас повторяет:
 «Лишь однажды рождается на свет
 И единожды всяк умирает».

Я иду по Чегему зимой,
 И над скалами неторопливый
 Распростерся орел молодой.
 Чей он вестник, посланец счастливый?

Не из юности ль давней моей,
Птица гордая, ты возвратилась,
Чтобы сердцем и духом слабей
Мне бы к старости стать не случилось?

Мой орел, как в далекие дни,
Ты кружись над родными горами,
Малодушье мое прогони,
Если стал я слабее с годами!

Сила нам не навечно дана.
Что поделать, мы смертные люди!
Черствый хлеб малодушия скуден,
Соль горька и вода солона.

Но я верю: напрасен мой страх,
Малодушным мне стать не случится,
Ведь недаром в чегемских горах
Над вершинами кружится птица,
Снег на отчие склоны ложится,
Бел и чист, как при наших отцах.

ВОЙНА И МОЛИТВА

Случалось, помню, в дни войны не раз,
В тот час, когда в родном селенье где-то
Свершала мать обычный свой намаз,
Нас в бой звала сигнальная ракета.

Молилась мать, молила за меня,
Чтоб я домой скорее воротился,
Чтоб невредимым вышел из огня,
И луч надежды перед ней светился.

Лилась молитва там, в родном краю,
На поле боя кровь моя спекалась,
И может быть, отчаянность в бою
С молитвой матери соединялась.

Сгорали в мире города дотла,
Друг с другом целые народы бились,
Кровь сыновей людских текла, текла,
А матери молились и молились.

И как бы ни менялись времена,
Во все века бывало так от века:
Молитва сотворялась, шла война,
О том свидетельствуя, как трудна
Жизнь человека...

* * *

Спасибо, ночь, за то, что ты добра,
За то, что можешь одарить нас даром
Едва ль не величайшим в мире даром —
Спокойным сном до самого утра.

Пусть сладко отдыхает человек
После трудов, привычных и всегдашних:
После порубки леса дровосек,
И пахарь после пахоты на пашне,

И наигравшаяся детвора,
И овцы с шерстью, полною колючек,
И ослик, на спине таскавший сучья,
Пусть спят, пусть отдыхают до утра!

Вознагради нас, слабых, за труды,
Спокойный сон — сладчайшая награда.
День пролетел, и не стряслось беды —
Вот мы и рады, много ли нам надо!

Нам, может, и не надо благ иных,
Был только бы покой под тихой крышей,
Спокойный отдых от трудов дневных —
На свете нету радости превыше!

* * *

Я себя почитаю счастливым,
Ибо жил я, на землю придя,
Гладил волосы ланей пугливых,
Слышал шум ручейков говорливых,
Шепот снега и песню дождя.

Голос матери милой я слышал,
Голос, слаще которого нет,
И в Чегеме, под отчею крышей,
И закат я встречал, и рассвет.

Я красавиц любил большеоких,
Забирался в расщелины скал,
Ел плоды, исходившие соком,
Лазал в горы и в море нырял.

Понимал я, что черно, что бело,
В жизни был не велик и не мал,
Жизнь дарила мне то, что хотела,
Но ведь большего я и не ждал.

Не считал я: «Мой век безотраден»,
Так, наверное, в жизни ни дня
Ни отец мой не думал, ни прадед,
Хоть и жили труднее меня.

Выйдут звезды, иль выглянет солнце,
Или гром громыхнет далеко,
Или кто-то в ответ улыбнется,
Вот и снова на сердце легко.

Не считал я, что жил несчастливо,
Ну, а если сейчас, как на грех,
Жизнь летит чересчур торопливо,
То она тороплива для всех.

Может быть, не дождался я чуда,
Но я что-то свершил и сказал,
И себя в этой жизни покуда
Неудачником я не считал.

* * *

На земле бывает так всегда:
Птица жить не может без гнезда,
Дерево — без неба над собою,
Человеку нужен отчий дом,
Да лицо, да имя дорогое,
Хоть затем, чтоб вспоминать потом.

Потому-то дереву цвести,
Прилетать из дальней дали птице,
Ну, а мне на месте и в пути
Отчий дом и край чегемский снится.

И дымки из стороны родной,
Где б я ни был, мне приносит ветер,
И стоит, склонившись надо мной,
Мать, которой нет уже на свете...

* * *

Снег за окнами кружится.
Еду я, и поезд мчится
В направленья гор, вперед,
И за много лет впервые
Мнится мне, что все пройдет,
Нет тревог и нет забот,
Словно в дни мои былые.

Поезд мчится в пустоту,
Он летит напропалую.
Снег не тает на лету,
Снег и мне мою былую
Возвращает чистоту.

Кажется, я глуп и мал,
Как в года былые, снова
Я ни разу не сказал
Слова ложного иль злого.

Так устроен человек,
Кажется, как белый снег,
Все на свете тоже бело,
И не совершил вовек
Я неправедного дела.

Словно в прошлые года,
Поезд мчится в никуда,
И мечты мои не зыбки,
Кажется, что никогда
Я не совершал ошибки,
Ложной не скривил улыбки
И не испытал стыда.

То, быть может, повторится,
Что прошло давным-давно,
И всему, что мне приснится,
Будет сбыться суждено.
Поезд мчится, снег ложится,
Все кругом обелено.

* * *

Поэты восхваляли соловьев
За их любовь и жажду песнопенья
И воспевали мужество орлов,
Отвагу их и вольное паренье.

И мне милы орел и соловей,
И я — ценитель песен и свободы.
Но, может статься, мне еще милей
Теперь, в мои немолодые годы,
Незнаменитый, малый воробей
За то, что он при слабости своей
Все перенес: морозы и невзгоды.

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В БЕССОННУЮ НОЧЬ

И опять не сплю я до утра,
Сон не сходит на мои ресницы.
А тебе, высокая гора,
Как всегда, сегодня сладко спится.

Снежную твою белизной
Восхищаюсь я порой дневною,
А в бессонный час, в тиши ночной
Твоему завидую покою.

Снова не уснуть мне до зари,
Память, может быть, тому виною,
Давнее проходит предо мною,
О гора, покоем одари
Ты меня сейчас, порой ночью!

Мрак над миром крылья распростер,
Спят спокойно горы снеговые.
Ну, а я веду с собою спор,
Вспоминаю дни свои былые,
Может, потому, что, дети гор,
Все-таки мы сыновья людские.

И бессонницей лишь человек
Обладает, словно даром божьим,
Помня все, что повидал за век,
Хоть он меньше гор на свете прожил.

Я в часы бессонницы подчас
Думаю: отсутствие покоя —
Это то, что возвышает нас
Над горой и снегом над горою.

Спящая спокойно в тишине,
О гора и все родные горы,
Вы покоя не вернете мне,
Но хоть наяву, а не во сне,
В непокое будьте мне опорой!

ЧЕГЕМСКИЙ КАМЕНЬ

О чегемский камень ноздреватый,
Тронутый водою всех дождей,
Видевший рассветы и закаты,
Тихо озарявшие когда-то
Щеки бедной матери моей!

Помнящий все бывшее в Чегеме,
На тебя бросает свет луна,
Серебрившая упорный лемех
Прадеда в былые времена.

Ты мне утешеньем был в печали,
Ты всегда помочь мне был готов,
Как и тем, чью кровь с тебя смывали
Все дожди за множество веков.

О чегемский камень ноздреватый,
Сколько бы столетий ни прошло,
Кажется, что ты хранишь тепло
Рук, тебя касавшихся когда-то.

* * *

Камень здесь над всем и всеми,
Камень сер и камень бел.
Здесь, среди камней, чегемец
Пас овец и песни пел.

Видел он в садах и в поле
Столько камня с малых лет,
Что ему казалось: боле
Ничего на свете нет.

Меж камней варил он пищу,
На камнях рубил дрова,
Было каменным жилище,
Мельницы и жернова.

Каменным терпенье было
У людей моей земли,
Словно камень, до могилы
Боль они свою несли.

Здесь, в родных горах, веками
Каменщик и овцепас
Жили в камне и на камень
Падали в свой смертный час.

Здесь белели и серели
Камни гор, домов, могил,
Будто бы окаменели
Все, кто здесь когда-то жил,

Будто стало здесь камнями
Все, что было искони:
Слезы, пролитые нами,
Наши песни, наши дни.

* * *

Больной всегда бывает одинок,
Хоть вся его родня собьется с ног
Или замрет в торжественной печали,
Пред ним лишь перевал, где нет дорог,
И скользок лед на этом перевале.

И пенье птиц там услышать едва ли,
Там только ожидание беды,
Там нету ни травинки, ни воды,
И черными камнями он завален,
И оставляют алые следы
Те, кто скользит на этом перевале.

И я всходил на этот перевал,
Скользил меж белых льдов и черных скал.
След за собой кровавый оставляя,
Я шел несильным и немолодым,
Рукою слабой посох свой сжимая.
Терпенье было посохом моим.

СТИХОТВОРЕНИЕ, НАПИСАННОЕ В БОЛЬНИЦЕ

Н. А. Лопаткину

Страданье человека! Милосердным
Ты делаешь того, кто человек,
Что было домом — стало пеплом серым,
Чернейшим снегом стал белейший снег.

Страданье человека — пепел зерен,
Казненный хлеб, не утоливший рот.
Я видел пепел колоса. Он черен.
Люблю смотреть, как зеленеет рожь.

Я тронул пепел дерева рукою
Крестьянина, не устыдившись слез.
Зато зимой я плакал над строкою:
«Весною зацветает абрикос!»

Страданье человека — смысл насущный
Хлебов, погибших в пепле и золе.
Я видел горе. Плач детей я слушал.
Так полюбил я радость на земле.

* * *

Там птица черная кружится
Вдали над черною горой,
И белая взлетает птица
Над белой горною грядой.

И хоть ночью тьмой обложен
Весь путь в недоброй тишине,
Но всадник с доброй вестью все же
На белом скачет скакуне.

Пусть в мире тьма не поредла,
Но даже, если где-то мгла,
Пребудет белым все, что бело,
И будет даль белым-бела.

Пусть птица в белом серебре
Над белой кружится горою,
Но все же белый конь порою
По черной пусть летит горе.

* * *

Бок о бок две вершины снеговые
Стоят, тысячелетий не страшась.
Что оползни, что громы грозовые
Им, ощущающим друг с другом связь?

Все в мире слитно только до поры
И распадается, как струйки дыма.
На свете все так просто расторжимо,
Нерасторжимы эти две горы.

Над ними проплывают облака,
Их греет солнце, продувает выюга.
И мы с тобой завидуем слегка
Горам, неотделимым друг от друга.

* * *

Опять иду я меж деревьев старых,
Где шел когда-то в давние года,
И, пробиваясь сквозь листву чинаров,
Мне светит поздняя моя звезда.

Горит кизил в моем воспоминаньи,
Не скрыв и ночью своего огня,
И смотрят, притаившись словно лани,
Мои года былые на меня.

Вы шелестите, листья, в час мой поздний,
В горах не пожелтевшие пока,
Горите надо мной, былые звезды,
На небе не померкшие пока.

Не прячьтесь, лани, от меня пугливо,
Вы прочь не разбегайтесь торопливо,
Чтоб побрести мне с вами заодно
К ручью, откуда сам давным-давно
Я воду пил безопасно и счастливо.

* * *

Будто бы листва в дубовой роще,
Опадает дней моих листва,
Стало все понятнее и проще:
Боль моя, поступки и слова.

Но трезвонят птицы в ранней рани
И в осенней роще, как весной,
И меня, как в дни былые, ранит
Все, что ни случается со мной.

Я теперь оцениваю снова
Все поступки, все слова мои.
Впереди зима, она сурова.
Будьте стойки, дерева мои!

Каждый день короче и дороже,
Время все понять и подытожить.
Ну, а мне все слышится порой
Где-то голос молодой, похожий,
Может быть, на прежний голос мой.

И теперь, все видя по-иному,
Я жалею палую листву.
Я иду на голос тот знакомый,
Это значит: я еще живу.

Морозной ночью выпал иней,
И дерева белым-белы.
Но снова солнце в небе синем
Взошло и растопило иней,
А я запомнил этот иней,
Запомнил белые стволы.

Еще недавно были сплошь
Белым-белы дубы и сосны.
Я сам люблю тепло, и все ж
Мне жалко белизны морозной!

* * *

Январские снега и зелень мая —
Я знаю, нету в мире больших благ.
То по снегу, то по траве ступая,
Я шел и смаковал свой каждый шаг.

Январские снега и зелень мая,
Я видел вас, стыдился, осуждая
Себя за суетность своих обид.
И робко замирал я, понимая,
Сколь рядом с вами я недаровит.

И хоть, быть может, труд мой был напрасен,
Но жизнь я прожил, мир благодаря
За то, что он суров, но все ж прекрасен
С травкою мая, снегом января.

И даже ныне, путь свой завершая,
Я утешаюсь тем, что, может быть,
Случится на земле родного края
Снегам январским или травам мая
В мой смертный час в глазах моих застыть.

СТИХИ, В КОТОРЫХ НЕТ НИЧЕГО НОВОГО

Регине Кафриэляни

Если другу задумчиво скажем «Кавказ»,
Значит, радостью с ним поделиться спешим,
Мы тоскуем от дома вдали всякий раз
По горам, по высокому счастью вершин.

Дождь идет. Шелестит он в равнинных лесах,
В темных листьях чинар над моей головой,
Как орлиные крылья, шуршит в небесах
Над громадою гор, ледников синевой.

Здесь, в горах, нас баюкала тихая мать,
Колыбель прижимая горячей рукой.
Облака замирали и плыли опять,
Сакли отчей касаясь косматой щекой.

Только скажем «Кавказ», и почудится нам,
Будто пасмурным днем снова стало светло.
К молчаливым чинарам и белым горам
Нас с тобой отовсюду недаром влекло.

Нас тянуло туда, где ночами из мглы
Вековечные сказки доносятся с гор,

Зеленеют долины, вершины белы
И ручьи неустанный ведут разговор.

Где бы ни были мы, у тебя, у меня
Свет Кавказа в глазах, ослепительный свет.
Нет вкуснее воды, нет добрее огня,
Нет родного Кавказа — и радости нет.

Как желанно само твое имя, Кавказ,
Куст багряный и белый цветок алычи!
Алым цветом кизила на лицах у нас
Затаились рассветного солнца лучи.

Да, на солнечных склонах кизил так багров,
Так багров, будто в сердце бурлящая кровь,
Будто все огоньки, что зимою видны,
Загорелись, любовью моей зажжены.

О, любовь эту я пронесу до конца,
Раб счастливый, я цепь, не снимая, влачил.
Эту землю и небо — мой чудеса
Я в подарок от щедрой судьбы получил.

Ну, а если пронзит мое сердце кинжал,
То и он это имя не сможет рассечь.
Оставаясь в горах, среди каменных скал,
Остывая в траве, будет кровь моя течь.

Только скажем «Кавказ», сердце ринется ввысь,
И надежда блеснет, если в доме беда,
И покажется — мы на земле родились
Для того, чтобы не умереть никогда.

ГОВОРЮ ОМАРУ ХАЙЯМУ

Мудрец Омар Хайям, с тобой сегодня говорю,
Когда цветет вокруг меня на склонах алыча,
За слово мудрое твое судьбу благодарю,
Строка пробила пыль времен, светла и горяча.

О, из какого далека твой голос слышу я!
Но абрикос в краю моем, как при тебе, зацвел,
Как ты, я понял красоту и сладость бытия,
Как ты, познал я вкус вина и смерть не поборол.

Я знаю мало. С давних пор известно мне одно:
Снега белы, гора крута и травы зелены,
И то, что никому из нас бессмертья не дано,
Лишь звезды вечно в небесах сиять обречены.

Я понял, зоркий мой мудрец, я понял, как и ты,
Увидев женщины лицо, омытое луной:
Нет в мире ничего мудрее красоты,
И стал я пленником ее, всегда она со мной.

И я постиг, Омар Хайям, правдивый мой мудрец:
Зима приходит в свой черед, в неотвратимый час,
И у всего на свете есть начало и конец,
И, кроме жизни, на земле богатства нет у нас.

Как ждал и ты, я тоже жду своей зимы приход,
Когда желтеют за окном осенние холмы.
Зима придет, и снег густой на голову падет,
И вот уже немного дней осталось до зимы.

Соединилась боль моя, Омар Хайям, с твоей,
Через века твоя река с моей слилась рекой.
И для меня свята земля, и все, что есть на ней,—
Вино и хлеб, и плеск воды, и гомон городской.

И вот, беседуя с тобой, я думаю о том,
Что жизнь ничтожно коротка, что смерть не
превозмочь.
Будь сотрапезником моим за горестным вином,
Ведь так же сумерки грядут и наступает ночь.

Но абрикос и алыча цветут, как в старину,
Кувшин вина и теплый хлеб пред нами на столе.
Давай, мудрец Омар Хайям, мы выпьем за весну,
За дни цветения, за жизнь поклонимся земле!

* * *

В саду не осталось деревьев,
Старые яблони все до одной порубили.
Только земля уцелела, вскормившая их,
Да небо, когда-то сиявшее саду.

Будто и не было веток тяжелых, с которых
Срывали плоды загорелые девичьи руки.
Будто и не было. Старые эти деревья
В простые дрова превратились.

Нет больше для них ни цветенья, ни солнца,
Ни майского ливня, ни птиц на рассвете,
Нет ни заката, ни лунного света.
Ах, старость, горька твоя песня!

Может, минувшей зимой они ждали весны,
Снилась она этим яблоням окоченевшим.
Вот и весна. Только их уже нет.
Ах, старость, темны твои тропы!

От смерти стихи не спасут меня, нет,
И не просил я бессмертья у них.
Лишь разнотравье прожитых лет
Да снегопады в книгах моих.

Ликуя и мучась, я книги писал,
В них души любимых, сияние глаз,
В них птицы, рассветы и мой перевал,
Тропа, где из сил выбивался подчас.

Нет, книги от смерти меня не спасут,
Да я о бессмертье не думал всерьез.
Так дровосек сосны валит в лесу,
В ущелье работает каменотес.

И пахарь не просит бессмертного дня,
И в вечное небо глядящий пастух.
Стихи не избавят от смерти меня,
Как все, я трудился и пал на посту.

В гнездо я вернулся, в отеческий дом,
Скитаться уставшая птица.
Что ж, память, погрейся над зимним огнем,
Куда нам с тобой торопиться?

Зима. В очаге полыхают дрова,
Стекают смолистые капли.
Что ж, радость и боль, отогрейтесь сперва,
Вы тоже, должно быть, озябли.

Плывут облака, исчезая вдали,
Проходят, как всякая малость.
Вот так и мои испытанья прошли,
Лишь горькая память осталась.

А снег все валит, неумемный, сплошной,
Пластами ложится на крыши.
Что ж, радость и горе, погрейтесь со мной,
К огню придвигайтесь поближе.

* * *

От потерь и утрат уставая, живу,
Но держусь точно дерева ствол над скалой,
Хоть и вовсе не самым могучим слышу.
Стонет буря, свалить меня хочет: «Долой!»

«Твердым будь!» — камни древние мне говорят,
Реки голосом властным рокочут: «Держись!»
Я держусь. Мои звезды на небе горят,
И весну не однажды подарит мне жизнь!..

* * *

Как путник бредущий, я звезды любил,
У неба остался в плену.
С ласточкой вместе гнездо я лепил,
В ущелье встречая весну.

Как в древности путник, я пил из ручья
В горах после жаркого дня
И грелся зимой, добредя до жилья,
Как он, у скупого огня.

Морское раздолье и лунная тишь,
Ущелье, дорога и сад,
Джигит на коне, в колыбели малыш,
Я друг вам и преданный брат.

Немало я горя знавал и потерь,
Мелькнувшую радость ценя.
Что «сытый голодного...» — это, поверь,
Придумано не про меня.

Немало я благ от судьбы получил,
Мне стыдно роптать на нее,
Обиды неправедной рану лечил,
Но счастье познал я свое.

Кто радости цену не знает, тот сам
Ничтожен. Избавь меня бог!
Земной красоте, всем ее чудесам
Сполна причаститься я смог.

* * *

Гор этих в мире роднее нет:
Здесь мать моя родилась,
С мотыгой во двор выходила чуть свет,
В полдень на солнце пеклась.

Облик, скупые ее слова
В этих горах живут.
И в сновиденьях, где мать жива,
Вёсны мои плывут.

К матери горы сошлись на пир
В саклю, где я родился.
Вот почему я так полюбил
Горы и небеса.

Молча скала нависла над ней,
В небе звезда дрожит.
Нет этих гор для меня родней:
Мать моя в них лежит.

ЧОККА

В селении Тегенекли,
где, пав с Эльбруса, вдаль текли
река и малость ручейка,
жил, благоденствуя, Чокка.
Он умер в сто шестнадцать лет,
из них сто лет он сеял хлеб,
и ровно сто шестнадцать лет
он видел горы, солнце, лес
и высоко над головой —
свет наших душ — Эльбрус седой.
Здесь скот его, и огород,
и той дороги поворот,
где от мелькнувшего огня
крепчала прыть его коня.
Здесь что ни путь — то перевал,
здесь он на свадьбах пировал
и скорбной сухостью зрачка
на кровь и смерть смотрел Чокка,
но жизни воздавал хвалу,
растил детей, косил траву,
и, поупрямившись сперва,
тащился ослик по дрова.
Так жил он сто шестнадцать лет,
из них двенадцать лет он слеп
от слез. И там, вдали от гор,
он сам не знал, зачем огонь

он разводил, зачем зерно
лелеял, как заведено.
Пускай минует вас тоска,
которой тосковал Чокка!..
Он умер дома, в декабре,
при белом снеге на дворе.
Навек оставшийся в зиме,
он счастлив, он — в родной земле.
Теперь считать я не берусь,
как часто позволял Эльбрус,
чтобы Чокка пришел туда,
где лишь вершина и звезда.
Кто жил вблизи, кто жил вдали —
всяк ехал, шел в Тегенекли.
Чокка всегда был гостю рад,
для гостя пенился айран,
и я недавно и давно
ел хлеб его и пил вино.
Я видел, как он целый день
греб сено, возводил плетень,
да что там день — почти века
трудился на земле Чокка,
считая не важней тщеты
все, что сложнее простоты.
Попробуйте-ка так пожить,
так знать рассвет, так стог сложить
и незаметный вечный след
оставить там, где вечный снег.
Жил сто шестнадцать лет Чокка,
ущелья, горы, облака,
дожди, колосья, деревья
любил он больше, чем слова.
А я доверился словам
и жизнь Чокка поведал вам.

ПАМЯТИ А. Т. ТВАРДОВСКОГО

Даже по телефону
Теперь не смогу я ему позвонить.
Больше нет у него телефона
И адреса нет.

И голос его никогда не услышу,
Ни слова, ни голоса нет у него.
А я на рассвете и в сумерках вижу еще
Белые горы...

* * *

...А был он просто мой сосед,
Водил машину. Умер он весной.
Цвели тогда каштаны. В знойный полдень
Играли ребятишки во дворе.

Над домиком его в тот день
Таким лазурным было небо,
И во дворе, нагретом солнцем,
Так зеленела на ветвях листва!..

* * *

Горы, как прежде, белы и сияют вдали,
Травы колышутся, солнцем дорога нагрета.
Как приходило, наверно, со дня сотворенья земли,
Снова пришло к нам короткое горное лето.

Молча скала нависает над жаркой тропой,
Словно корабль задремал у причала с устатка.
И жеребенок над теплой зеленой травой
Вымя сосет материнское, чмокая сладко.

Кажется, давние снова вернулись года,
Вот он, мой дед, я глаза его словно бы вижу,
Путь его долог, и спешился он, как всегда,
Передохнуть под скалою, к рокочущей речке поближе.

...А жеребенок тяжелое вымя сосет,
И надо мной, как над дедом, скала прикорнуть захотела.
Так же река свои бурные воды несет,
Небо на горы глядит, как и прежде глядело.

ВЫСОКИЕ ДЕРЕВЬЯ

Глядят деревья в небо синее,
Любуются голубизной,
Как будто горя нет в помине,
Когда цветут они весной.

Счастлива их пора цветения,
Весь мир опять и свеж и нов.
Прошли, забылись дни метельные,
Согрелись и душа и кровь.

И, как надежды наши лучшие,
К зениту тянутся стволы,
Листва, обласканная лучиком
И вечной звездочкой из мглы.

Зимой белы, а летом зелены,
Кто вас посмеет загубить?
Козленку, мне и птице велено
Живое дерево любить.

Им улыбнется небо чистое,
Высоким этим деревьям,
И горы засверкают издали:
Мол, приходите в гости к нам.

Я к красоте их причащаюсь,
Высоко голову держу,
И, к молодости возвращаясь,
От старости я ухожу.

Деревья строгие и стройные
Навек в судьбу мою росли,
Прямые, щедрые, достойные,
Краса высокая земли!.

* * *

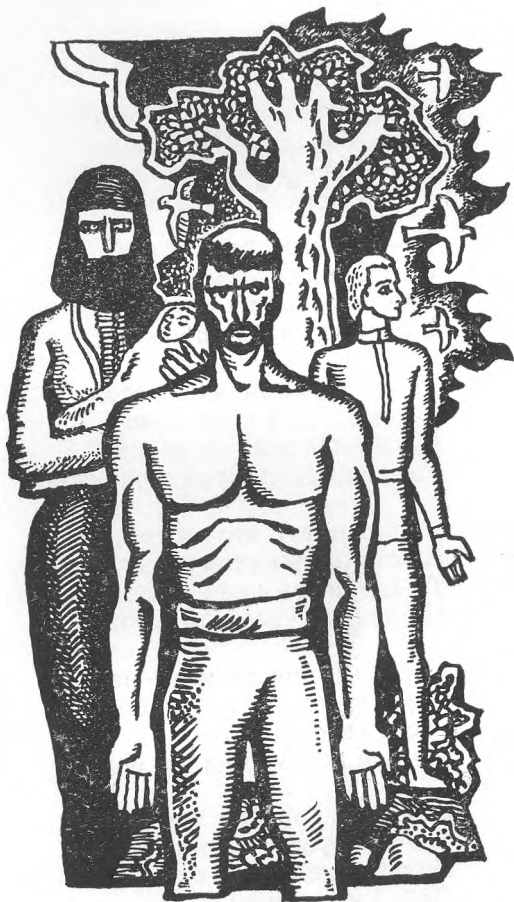
Я — человек среди людей,
Они мне подставляют плечи,
Они меня порою лечат
В беде иль в немощи моей.

Делил я с ними боль и страх
В иные дни, в иные ночи,
Мы вместе пели на пирах,
Мы защищали край наш отчий.

И камень тот, что и с трудом
Не сдвинуть одному, быть может,
Ты сдвинешь с кем-нибудь вдвоем
И в стену, строя дом, уложишь.

Когда мы вместе, мы — народ,
Страдающий от общей боли,
И если кто-то упадет,
Другой потом допашет поле.

Людским порокам нет числа:
Тот алчет, этот славы жаждет,
Но в большинстве, едва ль не в каждом,
Добро куда сильнее зла.

Что люди злом ослеплены,
В том, что порой неправо судят,—
Частица и моей вины
Не потому ль, что все мы — люди.

Вкусил я по людской вине
Несправедливости немало,
Но все ж без их подмоги мне
Не одолеть бы перевала.

Без них бы не росла трава,
Взошел бы в поле хлеб едва ли
И сказанные мной слова
В пустом безлюдье бы пропали.

И пусть я уставал не раз,
С людьми общаясь ежечасно,
Уединение подчас
Бывает сладостно для нас,
Но одиночество — ужасно!..

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ ПО ПУТИ ИЗ ПОЛЬШИ

Мой отчий край — земли огромной долька,
Горами стиснутый со всех сторон,
Мой бедный край, богатый камнем только,
Ты мне дороже всех — я здесь рожден.

В краю, где камень меж лугов альпийских,
Ценили горцы доброту и труд,
Справляли свадьбы, хоронили близких,
Подобно всем, что на земле живут.

Мелькали годы, подрастали дети,
Мы строили дома, пасли мы скот,
Уверенные, что на белом свете
Велик и малочисленный народ.

Бывали свет и темень, дни и ночи,
И жены нашей маленькой земли,
Как все, как женщины народов прочих,
Баюкали детей и хлеб пекли.

Мужской отвагой, женской красотой
Не только тех, чьим землям нет числа,
Одаривает с царской широтою
Судьба, ко всем равно добра и зла.

Как у других красавиц, так же нежно
Горел и грел мужей горянок взор,
Чем прочие, не менее прилежно,
Пахали горцы склоны отчих гор.

Здесь были и пророки и герои,
И, как народ наш горский ни был мал,
Холодный камень и металл порою
В руках его умельцев оживал.

Балкарцы, мы не хуже и не лучше
Других земных племен, других людей,
Как ни было бы дерево могуче,
Ему не жить без маленьких ветвей.

И если все же кто-то уничтожит
Мой иль иной какой-нибудь народ,
Мир потеряет многое, быть может,
А что найдет и что приобретет?

Об этом все мучительней и больше
Я с грустью думал много дней подряд,
Когда ходил по возрожденной Польше,
И думаю теперь, летя назад.

О польский край! Враги к тебе войною
Пришли, убили многих, все сожгли.
Тот, кто хотел сровнять тебя с землею,
Хотел и нас стереть с лица земли.

Похожим пламенем горят селенья
На всей земле. И слезы матерей
В краю поляков солонны не менее,
Чем слезы матерей земли моей.

В любом краю с одним и тем же гневом
Встречают люди строй чужих солдат,
У всех нас кровь багрова, и посевы
Повсюду одинаково горят.

И если голод чью-то землю гложет,
То в темных и нетопленных домах
Повсюду в мире дети плачут схоже,
Хоть говорят на разных языках.

Пусть расцветает краше год от года
Наш отчий край, пусть польский край цветет!
Велик он или мал, любой народ —
Частица человеческого рода.

* * *

И река, наверно, тоже
Плачет, бедная, навзрыд.
Плачет, бьется в тесном ложе,
Людам кажется — журчит.

У реки, спешащей в море,
Тоже есть печаль и горе.

Где-то валят ствол зеленый,
В реку он летит, тяжел,
И река надсадно стонет,
Принимая этот ствол.

У реки, спешащей в море,
Мало ли беды и горя!

Дом крестьянский ливнем смыло,
И, беду его деля,
Вдаль река несет уныло
Балки прежнего жилья.

У реки, спешащей в море,
Тоже есть печаль и горе.

С кручи падает машина.
А река? Ее ль вина,
Что в себе ее пучина
Все похоронить должна?

У реки, спешащей в море,
Тоже есть печаль и горе.

Больно ей, спешащей в море,
Потому ли, что вовек
Не унести людское горе,
Как весной талый снег.

У реки, спешащей в море,
Мало ли беды и горя!

* * *

Вы взрастили для меня зерно,
Чтоб согрелся, бурку мне сваяли,
Нацедили терпкое вино,
Спели песню, сказку рассказали.

Вы трудились в снегопад и в зной,
Гнули спину вы, живя на свете.
Вы мне дали мой язык родной,
Не поблекший за тысячелетье.

Все, чем я владею, все, что есть,
Получил от вас я и не скрою:
Может быть, не по заслугам честь
Вы оказывали мне порою.

Чем же я в ответ вам послужил,
Отплатил ли тем, что ожидали,
Много ль радости вам подарил,
Много ли отвел от вас печали?

Я слова одалживал у вас,
Вашу речь послушав. И за это
Пропускал сквозь сердце и подчас
Прибавлял к ним чуть тепла и света.

С вами я делил мою печаль,
Я без вас не сделал бы и шага.
Не дарил я вам иного блага,
Только долг платил, и то сполна ль?..

* * *

Камень — мера стойкости вовек.
Терпит пламя и разливы рек
Камень скал и камень на могилах.
Но того, что терпит человек,
Даже камень вытерпеть не в силах!..

* * *

Старик, взрастивший сад трудом своим,
И буйвол, переживший столько зим,

И мул, выдавший снега слишком много,
И вол, его арба, его дорога,

Чинар в горах, которому, как милость,
Тепло весны зимой холодной снилось,

Гора, где выли вьюги и метели,—
Теперь дождались все тепла в апреле.

И я тебя, апрель, благодарю,
Твое тепло я славлю и зарю!

Благодарю тот звездный час природы,
Когда копают люди огороды,

И все мы — от велика и до мала —
Как будто начинаем жить сначала.

ВЕСЕЛЫЕ ЛЮДИ

Теймуразу Чиргадзе

Сказал я печали:— Приди и владей
душой — пусть исторгнет стихи о печали!
Я все их отдам за веселье людей,
которые душу мою привечали.

Веселые люди, о, как я любил
везде — и в Тбилиси — ваш смех безрассудный!
Вино было алым, цветок — голубым,
и вся эта жизнь — беспредельной и чудной.

О, как я любил ожидать: вот сейчас
войдет и, рукой ничего не касаясь,
не ведаю как, превратит весельчак
гостей — в острословов, а гостей — в красавиц.

Вошел врачеватель, чужак, чудодей,
и я в нем признал незнакомца и друга,
и вновь возлюбил я веселых людей,
спасающих нас от беды и недуга.

При них — и холодная ночь горяча,
как полдень, ожегший проспект Руставели.

Зимой этой было. Цвела алыча,
и абрикосы в снегу розовели.

Пусть кто-то обидел нас иль рассердил —
забудем! Подумаешь, важность какая!
Но ты незабвенен, Ходжа Насреддин,
упорствуй и смейся, осла понукая!

Покуда плодами увешана ветвь,
покуда земля зеленеть не забыла,
веселые люди, ваш смех — это весть
о том, что вовек эта жизнь неизбывна!

Как много в городе людей!
А я привык к иному краю,
не ведаю я их затей,
куда спешат — не понимаю.

Покуда сумерки и снег,
не медли, незнакомец милый!
Коль надобно — верши свой бег,
извечный и неутомимый.

Не расточай на жизнь мою
ни слова, ни кивка, ни взгляда.
Пусть добрую твою семью
утешит новость снегопада.

Случайный гость твоих равнин
и голубых вершин Арбата,
я знаю: твой покой храним
любовью матери иль брата.

И та, в чьих мыслях и речах
все ты да ты, домой вернется,
склонится, разожжет очаг —
иль как это в Москве зовется?..

Хоть кем-нибудь одним, родным,
задохшимся от нетерпенья,
ты неминуемо любим,
и в этом смысл сердцебиенья.

На землю белую легли
следы — твои, мои, иные...
Великий снегопад любви
сплотил нас, путники земные!

Нас где-то ждут. О нас грустят.
О нас во сне лепечут дети.
А если все это не так —
что белого на белом свете?

* * *

Деревья, вы — братья мои.
Темнело, но все же могли
глаза мои видеть при звездах,
что впали вы в дрему и отдых,
как путник, как пахарь, как кто-то,
кого утомила работа.
Деревья, я раньше уйду.
Я вам оставляю звезду,
и снег, и рассвет, и пространство,
к которому сердце пристрастно.
Спасибо вам, братья мои,
за то, что метели мели,
за тень, и за шорох листвы,
за то, что я — раньше, чем вы...

ПОЛОВЕЦКАЯ ЛУНА

1

Освещается степь половецкой луной.
Облака, словно сны, беспокойны и рваны.
Красной кровью намокла трава подо мной.
И пылают мои обнаженные раны.

Я смотрю на луну. Я раздумьем томим,
Нету судьбам прошедшего ясного счета.
Те, что шли через гибель под ликом твоим,
На земле этой сами оставили что-то?

Отвечайте мне, предки, чем память жива,
Где плоды ваших рук, торжество урожая,
И каких откровений высоких слова
Вы оставили миру, столетья сближая?

Где он, вашим стараньем построенный кров?
Где они, мастеров и строителей вежи?
Или только одна лишь пролитая кровь
На косматом пожарище ради утехи?

Вы неслись по земле черной бурей пустынь,
В дикой страсти самим разрушениям рады,

Наслаждаясь пожаром прекрасных святынь,
Вы не знали в кровавом разгуле пощады?

Смутный свет половецкой луны надо мной,
Словно страшная тень от кровавого следа.
И устала луна, и трава под луной
В беспощадности памяти горького бреда.

Ваша боль, ваши раны — на теле моем,
Ваши судьбы меня окружают стеною,
Я к траве припадаю, пронзенный огнем,
Пригвожденный к земле оперенной стрелой..

Я смотрю в этот лик половецкой луны,
Проклиная железную ханскую волю.
И в наплыве застывшей, как кровь, тишины
Я надежде своей умереть не позволю.

Эти звезды разбили мечи надо мной,
И кипчакскую степь раздробили копыта,
Ночь краснеет в степи половецкой луной
И в глаза моей памяти смотрит открыто.

2

В легком танце
При свете багровой луны
Половецкие девушки
Страсти полны.

В их глазах и движеньях
Надежда и страх.
Храбрецы отдыхают
В зеленых шатрах.

Меч протерт ковылем
И запрятан в ножны.
Половецкие девушки
В страсти нежны.

Ночь, как темные косы,
Тепла и длинна.
И траву и шатры
Освещает луна.

Половецкие девушки —
Юность и стать.
Мне сегодня опять
Этой ночью не спать.

Белый ханский шатер
И туман пеленой,
И зеленая степь
Под кровавой луной.

3

И может быть, в том танце непрерывном
Кружилась всех свободней и смелей,
Красивей всех лицом своим и станом,
Прабабушка прабабушки моей.

И красота и стать ее, возможно,
Всей чистотой любви и молока
Передались по капле осторожно
В грудь матери моей через века.

Их кровь — во мне, в моей судьбе и крови.
В моих словах — их жизни молоко.

Лишь то в потомках оживает внове,
Что в предках утвердилось глубоко.

Их слово возникало, оживая,
В моей строке, придя издалека.
Я — веточка зеленая, живая
На дереве родного языка.

Они умели тихо и сурово
Переносить утраты острой болью.
Через мое сегодняшнее слово
Их слезы проступают, словно соль.

Полынь и пыль в степи кипчакской стары.
Забвение. Ни песен, ни имен.
Толпятся звезды, как в жару отары,
И лик луны — как зеркало времен.

4

Красавица! Я снова в бой иду.
Ты освети мне сердцем путь до срока!
Быть может, снова победив беду,
Вернусь к тебе по доброй воле рока.

Я в бой бросался с именем твоим,
И ты меня от метких стрел спасала,
Ты приходила в сон — и нам двоим
Ночь звездное дарила покрывало.

Измученный я падал на траву
И вспоминал глаза твои и брови,
Ты светом звезд светилась наяву
И шла ко мне по следу свежей крови.

Но снова в бой жестокий рвется хан
И ясный день кровоточит пожаром.
Сквозь посвист стрел, через седой туман
Твой лик мне улыбается недаром.

На поле боя мертвые молчат,
И сытый ворон каркает на камне.
Когда меня покроет смертный чад,
Твоя слеза сверкнет издалека мне.

5

Мой предок, закаленный на войне,
Считая храбрость выше всяких правил,
Сидел, как тигр, на бешеном коне
И злую гибель ни во что не ставил.

Он был в своей уверенности слеп,
Пожар и кровь — его судьбы дорога,
Он не растил и не лелеял хлеб
И острый меч считал превыше бога.

Под всадниками, дики и вольны,
Пластались кони днями и ночами,
И лик луны, как лик самой войны,
Темнел над обнаженными мечами.

Вы были храбры, родичи! И страх
Пред вами душу прожигал потемкам.
И, все живое превращая в прах,
Чего же вы оставили потомкам?

Над временем, сама себе указ,
Поет стрела, как варварская лира.

Я знаю вашу храбрость. Но у вас
Я не нашел Спинозы и Шекспира.

Вот ваша жизнь — судьбы моей исток,
И мне нести свою по жизни ношу.
Но я не буду к прошлому жесток
И камень в это прошлое не брошу.

Там, в темном незабытом далеке,
Не только страха смертная остуда,
Я говорю на вашем языке,
Признательный душой за это чудо.

Мне горек запах ваших пепелищ,
Моя душа — чужой бедою слепла.
И свой очаг я — голоден и нищ —
В годину горя возводил из пепла.

И я судить вас строго не могу:
У времени — законы жизни строги,
И разные в единственном кругу
Судьбою перекрещены дороги.

В степи полынной затерялся след.
Развеян прах. И сквозь тоску столетий
Из ваших дней идет печальный свет
В мою судьбу, в мои раздумья эти.

И светит одиноко из темна,
Тревожному под стать великолепью,
Простреленная стрелами луна —
Багровая — над половецкой степью.

Несется снова конница из мглы
На смертный бой лавиной летучей,
Летят за нами черные орлы,
И солнце багровеет в черной туче.

Сверкает в туче ханской сабли сталь.
В глазах темно. Но я скачу быстрее.
Дрожит земля. И древняя печаль
Отточенного лезвия острее.

Надеждою и гибелью маня,
Пронзает тучу шелковое знамя,
И враг заносит саблю на меня,
И черные орлы летят за нами.

И я скачу. И крови жаждет хан.
И кровь течет и сохнет на кургане.
И вороны летят через туман.
И черные орлы кричат в тумане.

Не ведаю, где мой последний бой,
Зачем я убиваю — не отвечу.
Летят орлы над гибельной судьбой,
И я лечу погибели навстречу.

О мать моя, из этого огня
Мне не уйти. Иссякла в сердце сила.
Моя стрела уже нашла меня,
Вошла в меня и сердце погасила.

Ни правых, ни виновных. Ночь темна.
И нет на свете ни зимы, ни лета.

Качается кровавая луна
И в черном небе пропадает где-то...

7

Кипчакскую степь осветила седая луна,
Равно одинакова к горечи бед и победам.
На сонной земле и на дальней звезде —

тишина.

И я в тишине ни земле и ни звездам неведом.

На мягкие травы стрела меня сбила с коня.
Мне хочется спать.

Но заснуть мне придется едва ли.
Таинственна степь. И погибшие здесь до меня
По боли и ранам сегодня мне равными стали.

Под летней луной, под спокойной звездой тепла
Трава и земля. И полно мое сердце любовью.
Слезой вселенной звезда с горизонта стекла.
И тихо печаль подошла к моему изголовью.

Не мысль мудреца здесь когда-то сверкала, как мечь!
Не книги, а прах, не трава, а полынь на кургане.
И черным орлам здесь положено память беречь,
И звездам высоким тревожно светиться в тумане.

Здесь гулом копыт невысокая бредит трава,
И признак беды над туманной клубится водою.
Как старый табунщик, луну окликает сова,
И пахнет над степью багровый рассвет лебедею...

Рассвет пришел, как первый день творенья,
И в мире все омолодил рассвет.
Привнес свое звучанье и значенье
Живущему. Славь молодость, поэт!

Исполнена особого привета
У девушки улыбка на устах —
И зимний полдень превратился в лето.
Лавандой и смородиной пропах.

Конь молодой не уставая скачет,
Снег на заре прозрачен, как заря.
И дерево весеннее маячит,
Как парус в море, и зовет в моря.

Вода земная в молодости чище,
И хлеб насущный вкусного вкусней.
Огонь в пустыне молодость отыщет
И разожжет. Не расставайся с ней!

И солнце светит в молодости жарче
На празднике отваги и весны.
И небеса прозрачней, звезды — ярче,
Явь — сказочнее и прекрасней сны.

О молодость! Ей все плоды в награду,
Птиц голоса и таинство планет,
И радость одолевшего преграду
Дерзания. Славь молодость, поэт!

* * *

О, этот танец! Этот поединок —
Единоборство смерти и огня.
Он хочет быть свободным, воедино
Живую жизнь с мечтой соединя.

О, этот танец! Он рассвет и вестник
О празднике над гибелью беды.
Танцующая женщина прелестней
И радостнее утренней звезды.

О, этот танец! Молния в кромешной
Пустыне подземелий и темниц.
Сквозь легкий сон в зеленой роще вешней
Божественное ликование птиц.

О, этот танец! Вызов и смятенье.
Он смел и юн. Его душа в крови.
Он как приказ и тихое моление
О торжестве свободы и любви.

О, этот танец! Как светла и властна
Его судьба — самой любви родня.
Танцующая женщина прекрасна,
Как вечное свечение огня.

* * *

Владимиру Николаевичу Орлову

Я многих на милой земле любил,
И много прошел дорог,
И добрым словом не позабыл
Прославить чужой порог.

И ты мне свой город открыл, как друг,
Судьбы его быстрый бег,
Белых ночей его зыбкий круг,
Зимы его белый снег.

Здесь все тебе дорого: пыль веков
И века грядущего слог.
С этой звездой меж облаков
Когда-то беседовал Блок.

Здесь он умирал вот в этом дому
В серый, бесцветный день.
И эта лестница больше ему
Уже не подставит ступень.

А в этом окне жила Она.
И — только что, а не давно —

Он тихо прошел у ее окна
И посмотрел в окно.

...Ах, эти окна, их милый свет,
Ошеломляющий нас!
Где-то в снегу затерялся след
Песни моей сейчас...

Быть может, она уже видит сны
Иль сон ее счастьем скуп.
О, вкус смородины и весны
В изгибе славянских губ!

...Тут Пушкин жил, Достоевский -- здесь.
Там Тютчев прошел как тень.
Ты оказал мне высокую честь
В благословенный день.

Весь город твой, как старинный друг,
Со мной весь день пировал.
И предо мной открылся вдруг
Невиданный перевал!..

* * *

Звенели день-деньской, весь день кружились птицы
Над горной белизной, над желтизной пшеницы.

Но вот сгустилась мгла, и под древесной сенью
Спят птицы досветла, уставшие от пенья.

Не надо их жалеть, пускай устанут снова,
Поскольку свойство петь — их бытия основа.

* * *

Опять настал рассвет, к земле простер я руки,
Как будто много лет я с нею был в разлуке.

Увидел горский люд, поля, стада, деревни
И реки, что текут по склонам, как издревле.

Все будет, как сейчас, и это убежденье
Мне в сумеречный час внушает утешенье.

* * *

Тот ветер, что трепал коня густую гриву,
Когда отец скакал по склонам в день счастливый,

Тот ветер прилетел с вершин недалгих снова
И вновь прошелестел листвою двора родного.

Как нежная рука, тогда, в года былые,
Погладил он слегка мои вихры седые.

* * *

Без заблуждений путь никто пройти не может,
И — человеческий сын — я заблуждался тоже.

И ты, что вслед придешь, умнее и моложе,
Навряд ли проживешь без заблуждений тоже.

И на пути твоём все снова повторится.
На опыте чужом нам не легко учиться.

* * *

Я всюду побывал, сгорая, замерзая,
И, раненый, лежал я, кровью истекая.

И ты, когда придешь за мною следом вскоре,
Навряд ли проживешь, вовек не зная горя.

Быть может, и тебе придется в миг злосчастный
Зеленый берег свой окрасить кровью красной...

* * *

Я говорю о том, что жизнь моя — река,
На берегу крутом я промокал слегка.

Я горевал любя на этом берегу,
Но не любить тебя, река, я не могу.

И пусть зима близка, тебя, моя опора,
Люблю, моя река, хоть ты и встанешь скоро.

* * *

Как соловьи поют! Как просто их прославить.
Но и велик ли труд их замолчать заставить?

Не станет мир иным, и жизнь не прекратится,
Когда мы повелим, чтоб замолчали птицы.

И лишь иной из нас поймет, что стал беднее,
Что боль извечных ран подчас еще больнее.

* * *

От дорогих вершин, из края дорогого
Ушел я, блудный сын, но возвратился снова.

Дождем меня опять земля моя встречала,
Как будто жизнь начать мне суждено сначала.

Я от всего отвык, года зазря потратил.
Но дождь! Его язык мне сладок и понятен.

* * *

Я жил среди людей, и час моей печали
Сердечностью своей они мне облегчали.

Они зажгут очаг, они мне слово скажут,
И пожелают благ, и раны перевяжут.

Я тоже как могу, быть может, добрым взглядом
Иль делом помогу вам, кто со мною рядом.

* * *

Нет, я не утверждал, что святы все подряд,
Но камня не бросал и в тех, кто виноват.

Кем человеческий грех определен и взвешен?
И кто достойней всех и кто совсем безгрешен?

Пусть я не всех грешней, мне свойственны отчасти
Изъяны всех людей, достоинства и страсти.

* * *

Ложится на меня деревьев тень густая,
Без тени нету дня в моем краю, я знаю.

Как я любил лежать в густой тени, бывало,
В тени впервые мать мне сказку рассказала.

Седой, я то и дело теперь сижу в тени,
Где колыбель висела моя в былые дни.

* * *

Пел в роще соловей, и, слыша это пенье,
Иной из нас, людей, вздыхал от восхищенья.

Затем ли пел певец, чтоб показать уменье,
Затем ли, чтобы нам доставить наслажденье —

Я не берусь гадать, я не даю ответа,
Есть в пенье благодать, он пел, и благо — это.

* * *

И те, кто жил до нас, всю красоту земли
Забрать в последний час с собою не могли.

И если я уйду, и тьма и солнце дня —
Все будет на земле, как было до меня.

Тишь снега, шум дождя ни гений, ни пророк,
Из мира уходя, с собою взять не мог.

* * *

В былые времена ты шел, свистел беспечно,
Как будто бы твоя дорога бесконечна.

Сейчас идешь согбен, походкою нескорой,
Взяв посох, чтобы он служил твоей опорой.

Ты глупым был, свой путь прошел шутя-играя,
Хоть ныне глуп не будь, в отчаянье впадая!..

* * *

Как в дальние года, что помню до сих пор,
Знакомая звезда взошла над высью гор.

И хоть мои года минули без возврата,
Как черные стада, что сам я гнал когда-то,

Но красота была и будет здесь всегда,
Не потому ль взошла знакомая звезда?

* * *

Вокруг покой и тишь, Чегемская дорога,
Лишь ты, чинар, стоишь, листвою шумишь немного.

Мы с матерью моей сидели здесь в тени,
Под кроною твоей, в былые наши дни.

Нет матери моей, былое — безвозвратно,
А тень твоих ветвей, как прежде, благодатна!..

* * *

Весенняя пора. И, как давным-давно,
Деревья и гора глядят в мое окно.

Так жили много лет отцы мои, предтечи,
Так я встречал рассвет и так встречаю вечер.

Прими ж поклон земной, моя земля, за это,
Я вечный пленник твой — твоей весны и лета.

* * *

Наш скуден путь земной и коротка дорога,
Горюем мы порой, но толку в том немного.

Чему расти дано, расти не перестанет,
А что увять должно, то все равно увянет.

Но если даже час прожить нам суждено,
То и тогда для нас жизнь — благо все равно!..

* * *

Мы в мире все порой хотим переустроить,
Но быть реке рекой и быть горе горою.

Шумит река, быстра, хоть и шумит напрасно,
Гора, она — гора, тем только и прекрасна.

Шумливой будь, река, и будь, гора, бела,
Как вас на все века природа создала!..

* * *

Природою гора сотворена едва ли,
Чтоб прихотью людской ее с землей сровняли.

Гора как ни стара, но людям неподвластна,
Гора — она гора, и только тем прекрасна.

Стоит из года в год днем и во тьме кромешной
И с вечностью ведет свой разговор неспешный...

* * *

Та птица, что летит, стремглав взмывая в небо,
Твой дом не утеплит и не прибавит хлеба.

Но ты за ней следи, пока из глаз не скрылась,
И птицу всякий раз благодари за милость.

Не облегчит твой путь и труд твой не прославит,
Но радости чуть-чуть она тебе прибавит.

* * *

Ты, Мудрость, вникни в суть и в смысл любого шага,
Непроходимый путь ты одолей, Отвага.

Добро, не зачерствей и злей не стань покуда,
Себя не пожалей, когда кому-то худо.

И, Мужество, вперед иди ты всякий раз,
Хоть, может быть, вот-вот придет наш смертный час.

* * *

Я был, и нет меня, а жизнь на свете длится,
Река течет звеня, шумит в полях пшеница.

Я был, и нет меня, а жизнь не прекратилась.
И солнце среди дня вдруг не остановилось.

Я был, и мне конец, но красотой земною
Ты насладись, мой друг, простившийся со мною.

ЛУННЫЙ СВЕТ

Лунный свет. Зрачка мученье.
Сухо. Лунный свет. Легка
поступь. Лунный свет. Ущелье.
Скалы. Лунный свет. Река.

Лунный свет. Белейший верх
гор. Дорога. Человек.

Лунный свет. Обрыв. Ограда.
Лунный свет. Ожог меж век.
Крыши. Лунный свет. Не надо
плакать, горы! Лунный свет.

Лунный свет на белый свет
пал. Сухие камни. Снег.

Лунный свет на кукурузе.
На воротах лунный свет.
Лунный свет. Мгновенность грусти —
лунный свет. За веком — век.

В эту ночь не плачь, о нет!
Лунный свет. Высокий снег.

МЫ СЛУШАЛИ МУЗЫКУ

Мы слушали музыку. Вечер и сад
так верили ей, и так мысли парили,
как будто и музыка, и снегопад,
и все это с нами случилось впервые.

Впервые, давно, до всего, до судьбы,
до участи хлеба, постигшей колосья,
до тяжести, обременившей сады,
до встречи кувшина с водою колодца.

Казалось, что пуля не знает ствола,
петух не приходит заре на подмогу,
рука человека огня не зажгла
и жернов еще не учился помолу.

Нет времени позже, чем ранняя рань,
нет опыта утра у мглы предрассветной,
не ведает тело премудрости ран
и нет ничего, кроме музыки этой.

Мы слушали музыку в мире пустом,
уже существуя, еще не печалась:
страданья — потом и несчастья — потом,
пока — только музыки первоначальность!

БЕЛИЗНА ЗИМНЕЙ НОЧИ

Луна. Звезда. Притихшая чинара.
Душа — их отраженье сочиняла,
и вышло так: о, ночи белизна!

Безлюдная дорога. Горы. Камни.
Им длиться дважды — явью и стихами
короткими: о, ночи белизна!

ДВОРИК МОЕЙ МАТЕРИ

Зимою дворик матери моей
был бел от снега, летом — желт от света.
Синело небо. Рос подсолнух. Дней
я не считал. Я думал — вечно это.

Бывало, мать оглянет огород,
примерит к ливню или солнцепеку
и так рассудит:— Если бог пошлет,
мы будем с урожаем. Слава богу.

Ее передник вечно был в земле.
Не вечно, нет. Теперь я знаю это.
А я живу. И все труднее мне
глухую зиму отличить от лета.

ТИШИНА

Не убивайте тишину!
Лишь в ней, при лампе догоревшей,
мудрец, взирая на луну,
склонялся к мысли долговечной.

Лишь тишина взрастит зерно,
чтоб хлеб живой детей насытил,
и тишиной предreshено,
чтоб снег поля и двор осыпал.

Весна желает тишины.
Что справедливо — то негромко,
и веселит трава весны
меня и малого ягненка.

Нужна такая тишина,
чтоб нежилась и зрела дыня,
чтобы в ночи сбылась луна
и путником руководила.

Лишь в тишине бахче легко
налиться сладостью земною.
Ребенок, сено, молоко
и луг объаты тишиною.

При тишине горит очаг
и юной матери не спится,
при ней родится хлеб в печах,
пшеница зреет, реет птица.

Лишь тишина склонит ко сну,
утешит мыслью и беседой.
Не убивайте тишину —
дар драгоценный, дар бессмертный!

СОН ЗИМНЕЙ НОЧЬЮ

Шел снег. И при медленном снеге,
при стуже небес и земли,
чем глубже я спал, тем краснее
тюльпаны Чегема цвели.

Шел снег. Но душа ночевала
вдали от его белизны.
Шел снег. Зеленела чинара.
Как зелены зимние сны!..

ГОВОРЮ
С ЧИНАРОЙ И КОЛОСЬЯМИ

— Чинара! Тихий дождь идет.
Ты счастлива, чинара?

— Да.

— А мне зеленысти твоей
вполне достаточно для счастья,
и тень твоя во всю длину
лежит на глади сновиденья.

— Колосья! Тихий дождь прошел.
Вы рады ли, колосья?

— Да.

— А мне для радости довольно
того, что солнцу рады вы,
и длится жизнь, и хлеб печется,
и дети игры затевают,
и не хотят остановиться
веселых мельниц жернова.

ЗИМА ПРИШЛА

Зима пришла в селенье,
вблизи и в отдаленье
белы, нежны слова и дни,
беды не жди, сюда иди!

Ночной сугроб лопатой
от двери отгони.
Снег, падай, падай, падай!
Огонь, гори, гори!

Ты жив, если заранее
сложил дрова в сарае,
покуда сыт огонь,
и ты — не сир, не гол.

Дымок высокопарный
уже достиг зари.
Снег, падай, падай, падай!
Огонь, гори, гори!

Белы гора, и школа,
и детвора, и что-то
летит в глаза — смешны бои,
щека красна, снежки белы.

Пойдешь ли на попятный
от эдакой игры?
Снег, падай, падай, падай!
Огонь, гори, гори!

Жива на свете белом
молва о снеге белом,
земля прочна, сады белы,
зима пришла, все дни белы.

Гуляй, маляр опрятный,
вдоль неба и горы!
Снег, падай, падай, падай!
Огонь, гори, гори!

ВЕЧЕР В ГОРАХ

Усталый вечер, как олень,
возлег на горные отроги,
и сон олений одолел
ущелья, склоны и дороги.

Вершины думают о том,
что только им удел достался —
пренебрегая суетой,
руководить судьбой пространства.

А у подножья высоты,
стоящей во главе природы,—
селенья, домики, сады,
дворы, плетни и огороды.

Веков пророческая весть
слышна лишь там, вверху обрыва.
Внизу — довольны тем, что есть,
что было, думают, то было.

Зажглось и светится окно,
и путник поспешает к дому —
так, как вовеки суждено
окну и путнику ночному.

Вершины сверху вниз глядят
на склоны с кроткими ростками,
на белый яблоневый сад,
на остывающие камни.

Зияют влажной чернотой
опять раскопанные гряды,
и дворик, теплый и сухой,
кончает день внутри ограды.

Стада бредут под сень дворов,
и близок отдых еженощный
коз, буйволов, овец, коров
и осликов с тяжелой ношей.

Созвездья высшие зажглись,
и горы кажутся веками,
а жизнь внизу — всего лишь жизнь
с ее детьми и стариками.

Печется хлеб, горит очаг,
белье постиранное сохнет.
Бранятся, мирятся, молчат,
ложатся спать. Темнеет в окнах.

Вверху, в заоблачной тени,
снега белеют, вечность длится.
Внизу — сады, дворы, плетни
и красных кровель черепица.

ГОВОРЮ В ПУТИ

Темна дорога. Высока гора.
Вдали — окно и крыши черепица.
В том домике живет моя сестра.
Мой путь далек. Моей сестре не спится.

Я приходил и уходил опять,
но, сколь ни странствуй, нет судьбы превыше,
чем знать, что ждут тебя сестра и мать,
хлеб на столе и сень отцовской крыши.

Приму спокойно все, что суждено,
и детского обета не нарушу.
Для каждого в ночи горит окно,
чей свет в живых удерживает душу.

Темна дорога. Высока гора.
Выходят звезды в свой дозор привычный.
Не одинок я. Ждет меня сестра
в том домике под крышей черепичной.

ГОВОРЮ ОДИНОКОМУ ДЕРЕВУ

Ты было б совершенно одиноко,
о дерево, когда б не тень твоя,
но нужно небо и луны немного,
чтоб выжить ночью, друга сотворя.

Ты безутешно полночью безлунной:
и тени нет, пустая ночь темна.
Ты тщетно ждешь: какой же ствол безумный
покинет лес, чтоб навестить тебя?

Днем у тебя в гостях то я, то птица,
а ночью ты слагаешь плач ветвей.
Прошу луну — пусть выйдет и продлится,
чтоб тень твоя всегда была твоей.

ВОЛЫ ПОД ДОЖДЕМ

На зеленой лужайке два черных вола,
и на серых рогах — дождевая вода.

Мирен отдых волов. Их сюда привели
грязь и камни дорог, где устали волы.

Перед ними — трава. И забыта арба,
на которую грузят зерно и дрова.

На зеленой лужайке два черных вола,
и на серых рогах — дождевая вода.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ТЕНИ ДЕРЕВА

Все сущее когда-нибудь да спит,
усни и ты, тень дерева, не медли.
Подушек детских тихий сон достиг,
и спит струя, закрученная в меди.

От ног бегущих отдыхает пол,
дверь отдыхает от дневного скрипа,
ведро от влаги, и от дров — топор,
и что им снится, то от прочих скрыто.

Уже темно, тень дерева, усни,
не надобно склоняться над арбою,
ушел теленок — спать в другой тени,
нет ослика, любимого тобою.

Средь бела дня каменотес и жнец
узнали, как сладка твоя прохлада.
Теперь луна. И смерклось наконец.
Тень дерева, не трать себя, не надо.

Ты одаряла нас в полдневный зной,
мы страдали тебя и утомили.
Тень дерева, поговори с луной
и отдыхай, как все живое в мире.

Дорога спит. Спит поле. Молоко,
наполнив вымя, спит в коровьем теле.
Тень дерева, спи сладко и легко,
как спят в ночи все существа и тени.

ПЕСНИ СТАРОГО АШУГА

I

На каких я конях по долинам скакал,
Песню с бегом коня воедино сливал.

На конях я скакал по горе, по долине,
Людам песни слагал и слагаю поныне.

Как хотел и умел, с вдохновеньем бывалым,
Помню, песни я пел скалолазам и скалам.

Пел я песню горе, песню пел дровосеку
И чинару, с обрыва летевшему в реку.

Пел я песни листве и невянущей хвое,
Косарю и траве, что срезал он косою.

На некротком пути, то крутом, то пологом,
Пел я путникам песни, и пел я дорогам.

Озаренные солнцем, ушедшим за горы,
О года молодые, как были вы скоры!

Так и жил среди скал я в года молодые,
Так и песни слагал я свои удалые.

2

Мне на быстрых конях не скакать по долине,
На некрепких ногах ковыляю я ныне.

В путь недалний иду иль сижу, коль сидится,
И, чем прежде, печальней летят мои птицы.

Предо мною не кони горячие пляшут,
Совы — птицы незрячие — крыльями машут.

От коней, что носили меня по долине,
Ни узды, ни костей не осталось в помине.

Были частыми свадьбы в свой час и гулянья,
Ныне часты в селенье у нас поминанья.

И красавица та, что плыла здесь когда-то,
Ковыляет, хромая, седа и горбата.

Ах, года и желанья, не долго вы длились,
За горами, как быстрые лани, вы скрылись.

Как в былые года лишь вершины белеют,
Потому что они никогда не стареют.

3

Ах, какие ходили красавицы с нами,
Я им песни слагал, я равнял их с цветами,

Их глаза, что тогда походили на звезды,
Снятся мне иногда в сновидениях поздних.

Не забыл я красавиц, их взглядов манящих,
Пил я чистую воду из речек звенящих.

Эти речки в долине звенят, как звенели,
Да красавицы ныне совсем постарели.

Не жалел я коней, и, покорных, желанных,
Привозил для друзей я невест тонкостанных.

Ах, устал я, и память моя притомилась,
Путать стал я, что было со мною, что снилось.

Даже песни бывлые теперь забываю,
Ах, года молодые — пролетные стаи!

Вечно быть не дано вам, года молодые,
Вы иссякли давно, как дожди проливные.

4

Ах, как горы белели, снегами сверкали,
Ах, какие орлы над горами летали!

И джигиты скакали порою ночью
И слова повторяли, пропетые мною.

Те вершины, как были тогда, и остались,
Да орлы неизвестно куда подевались.

Да и всадники те ускакали куда-то
В край печали, откуда им нету возврата.

Что теперь я хочу — сам порою не знаю,
Песни давние я бормочу, вспоминаю.

И во сне, как когда-то, скачу я в селенье,
Сон мой краток, но длинны мои сновиденья.

Были руки у нас, мы косили умело,
Да устали сейчас, опустили без дела.

Ах, года молодые, года молодые,
Как вы пахли тогда? Как цветы полевые!

5

Я сижу на дворе, я хожу понемножку,
На заре молодницы копают картошку.

Не вскочить на коня, никуда мне не деться,
Мне б теперь у огня посидеть да погреться.

Вдаль плывут облака неспешно и плавно,
Ваша осень близка, а моя и подавно.

И зима, что побелит пригорок соседний,
Будет вашей обычной, моею последней.

Сколько песен веселых я спел и печальных
На гуляньях и в близких селеньях и дальних.

Было спето немало и выпито много,
Не поднять, как бывало, мне полного рога.

Не поднять и не выпить три рога мне кряду,
Выйдя в круг, мне теперь не плясать до упаду.

А года молодые и сладки и грешны,
Если знать бы нам смолоду, как вы поспешны!

ПЕСНИ СЛЕПОГО АШУГА

1

Небо, звезды, человечьи лица —
Я, Сафи, не вижу ничего,
Но шуршанье платья твоего
Словно шум крыла взлетевшей птицы!

Шали, что с твоих спадает плеч,
Я не вижу — тьма глаза мне застит,
Но когда твоя струится речь,
На свирели мне играет счастье.

Облик твой — пословица у нас.
Голос твой опять я слышу ныне.
Все я вижу, и хоть в этот час
Пусть не плачет мать моя о сыне!

Я и сам не плачу ни о чем.
Кажется, я вижу краски лета,
Различая в голосе твоём
Все оттенки радуги и света.

Склон покрыт зеленою травой,
Небо сине над землей родною,

Нету вечной тьмы передо мною
В миг, когда я слышу голос твой!

2

Склонов, что без края и конца,
Ничего, что вдалеке и ближе,
Даже материнского лица,
Даже рук своих и то не вижу.

Говорят, зима белым-бела,
Переменчива краса земная,
Светлый день сменяет ночи мгла,
Для меня ничто не изменяя.

Знаю, что, не видимое мной,
Светит солнце в ясную погоду,
Светят в небе над землей родной
Звезды, мной не виданные сроду.

Видеть стан твой, кожу щек и рук —
Не дарована мне эта милость,
Но когда б я их увидел вдруг,
Что б в моей любви переменилось?

Пусть в конце концов года пройдут,
И, с тобою обойдась сурово,
Перемену все кругом поймут,
Кроме одного меня, слепого.

3

О Сафи, я слышу голос твой,
Слышу звук шагов и шелест платья,

И могу домыслить и понять я
Облик твой и взгляд твой дорогой.

Слышу голос я издалека,
А когда ко мне подходишь ближе,
Кажется, что и кувшин я вижу
Тот, что ты несешь от родника.

Все примыслил, все вообразил,
Лучше мне, чем зрячему, известно:
Руки милой, месящие тесто,
Даже ангельских белее крыл.

Люди, если можно, будьте тише,
Дайте слышать и мечтать о ней!
В день, когда я милую не слышу,
Мой несветлый день еще темней.

В звуке голоса ее родного
Для меня вся жизнь заключена —
Звон реки и горская зурна,
Смех людей влюбленных, стон больного.

4

Я пред вами должен повиниться,
Я немужествен во тьме своей,
Как хотел бы я увидеть лица
Всех шумящих во дворе детей!

Жизнь одарена сияньем солнца,
Зеленю чинар на берегу,
Рябью склона, где табун пасется,—
Всем, что я увидеть не могу.

Чувствующий волны речки вешней,
Увидать бы я ее хотел;
Слышащий, как снег идет неспешно,
Я б хотел увидеть, сколь он бел!

Обделила жизнь меня, обидя,
Всем, чем наделила щедро вас.
И умру я, так и не увидя
Никогда любимых рук и глаз!..

О Сафи, как жизнь несправедлива,
Хоть она по доброте смогла
Дать мне счастье знать, как ты красива,
Счастье это видеть — не дала!..

5

Песни я слагал земле своей,
Хоть и не видал ее, незрячий,
Но я слышал тихий шум дождей,
Слышал гул лавин и смех ребячий.

И к сплетенью слов моих и строк,
Люди, относились вы с участием,
И я счастлив был в своем несчастье,
Потому что делал то, что мог.

Делал я немного и немало,
Что, казалось, делать и умел,
И Сафи своей я песни пел,
Хоть она их, может, не слыхала.

Я пою, а может быть, я плачу,
И, вовек не видевший зари,

Я — певец незрячий — людям зрячим
Песню вам даю в поводыри.

Я благодарю вас, аульчане,
Знайте, я старался каждый раз
Петь в ответ на ваше состраданье,
Будто я не слеп и вижу вас!..

СНОВА МАРИКЕ ЧИКОВАНИ

Все смешалось: долины и выси,
Боль и радость родимой земли.
Нету ночью луны над Тбилиси,
Днем снегов на Казбеке вдали.

И могилы твоей под горою,
Как ни тщился, найти я не мог,
Но сегодня, весенней порою,
Не твоей ли былой красотой
Расцветает росток и цветок?

И горит над землей, на которой
Веселилась и плакала ты,
Став уроком для нас и укором,
Свет нетленной твоей доброты.

Пусть могилы твоей одинокой
Не нашел я среди прочих могил,
Как цветы, эти скорбные строки
Я принес и сюда положил.

О Марика, я был очевидцем,
Видал, как ты на свете жила,
Как поэту — слепому провидцу —
И душою и зреньем была.

Ветер снова платаны тревожит,
Словно в давние годы, когда
И добрее в сто крат и моложе
К вам, к живым, приходил я сюда.

Нет, Марика, к тебе не напрасно
Торопился я издалека:
Все, что было при жизни прекрасно,
Остается таким на века.

Не всему ли, что было прекрасно,
И по смерти скончания нет?
Даже звезды, которые гаснут,
Все же светятся тысячу лет...

* * *

- В мире что всего белее?
- Радость, ты всего белей!
- В мире что всего чернее?
- Горе горькое людей!

- Что людей, нас, гнет прилежно?
- Старость гнет в бараний рог.
- Что приходит неизбежно?
- Смерть до срока или в срок!..

* * *

Выпал снег, пушист и бел.
Утром мальчик встал с кровати,
Спрятал книжки и тетрадки
И на санках полетел.

Нет ни тропок, ни дорог,
Выпал ночью снег впервые,
Груши дикие лесные
Спрятал под собой снежок.
И о том в своей берлоге
Погрустил медведь в тревоге,
Порычал и спать залег.

Ночью выпал белый снег,
Ослик на дворе в загоне
Горько думал, видя снег:
«Не иначе в лес погонит
За дровами дровосек!»

А мальчишке повезло,
Будто вправду сбылись сказки,—
Все вокруг белым-бело,
И летят с горы салазки.

* * *

Счастлив тот человек, что поет,
Даже если поет он от боли,
Потому что, когда он поет,
Он не черное стадо на поле —
Белорунное стадо пасет.

Он поет, подбирая слова,
Все печали свои забывая,
Что бы с ним ни случилось, едва
Запоет он — надежда былая
Вновь пробьется, как в поле трава.

Песнь поющего, как ни проста,
Как ни схожа с отчаянным стоном,
Он поет, он другим не чета,
И к его родникам помутненным
Возвращается вновь чистота.

В миг, когда человек запоет,
Успокоится в сердце тревога,
Сад заглухший опять зацветет
И нарядится все, что убого.
Как люблю я того, кто поет,
Но поющих на свете немного.

* * *

Как теперь себя я самого
Ни судил бы строго и сурово,
Я могу сказать, что никого
Я ни хлеба не лишил, ни крова.

Я своих детей растил как мог,
Сверстников не поучал уныло,
От беды друзей своих берег,
Как, бывало, мать меня учила.

Приходил к соседям я подчас
С доброй вестью или же советом,
Их я радовал не всякий раз,
Хоть и всякий раз мечтал об этом.

Проходили дни, я жил, как жил,
Каждый день вставая утром ранним,
Я проклятьем злым не грешил,
Не грешил недобрым пожеланьем.

Я зимою грелся у огня,
Жил как люди, то смеясь, то плача,
Не гордился, если на меня
Снисходила невзначай удача.

И теперь, когда пришла пора
Вспомнить все для общего итога,
Вижу: мало сделал я добра,
Радуюсь: я сделал зла не много!..

* * *

Со своей старухой горец старый
Выйдут на крылечко, сядут парой.

Помолчат немного и немало
И вздохнут: «А помнишь вот, бывало...»

Были, может быть, на самом деле
Дни, что словно птицы пролетели.

Старый горец взглядом обведет
Дом родной и чахлый огород,

Оглядится и его старуха
И опять: «А помнишь...» — скажет глухо.

Вспомнят тех они, кого любили,
Проводили или схоронили,

Вспомнят взрослых деток и внучат.
«Помнишь...» — вновь вздохнут и помолчат.

Счастлива она и он доволен,
Что смертельно ни один не болен,

Что тепло, что в небе солнце светит,
Что нет-нет да и напишут дети.

Из того, что им когда-то снилось,
Что-то сбылось, что-то не случилось.

А теперь мечтать — прошел их срок,
Весь их мир — скамейка да порог.

Лишь бы им друг другу быть опорой,
Тихо ожидая смерти скорой.

ГОВОРЮ ВЕСНОЙ СТАРОМУ ЧИНАРУ

Бури улеглись, сошли снега,
Обошла пила тебя счастливо,
Вновь пришла весна, и вновь река
Близ тебя журчит нетерпеливо.

Старый друг мой, ты не стал стройней,
Согнутый ветрами и годами,
Но ты дожил до весенних дней
И стоишь и шелестишь ветвями.

Вновь весною из краев чужих
Птицы старые и молодые
К прежним гнездам меж ветвей твоих
Возвратились, как в года былые.

Ветер задубил твою кору,
Ветви обломал, но, бедолага,
Ты еще стоишь и на ветру
Все еще скрипишь, и это — благо.

Поглядеть, так ты еще хорош,
Тень твоя от зноя нас спасает.
А того, как долго проживешь,
Сколько простоишь — никто не знает...

Подают олени голоса,
Целый день не умолкают птицы,
И в часы рассветные роса
На тебя по-прежнему ложится.

Молодые деревца стройны,
И они стоят с тобою рядом,
И опять ты дожил до весны,
Вот и рад — тебе немного надо.

Будем жить покуда: все равно
Мы не угадаем и не спросим,
Сколько нам с тобою суждено
Встретить зим еще и сколько весен...

* * *

Быть может, в жизни праведной твоей
Прекрасней дела не было иного,
Чем в дни, когда ты радовал детей
Хорошим словом или книжкой новой.

Когда арбуз разрезал ты для них,
Или повел купаться на рассвете,
Иль, возвратившись из земель чужих,
О странствиях своих поведал детям,

Когда, с детьми играя, встал ты в круг,
Когда кидался во дворе снежками
Иль побежал стремглав на дальний луг,
Чтобы потрогать радугу руками.

Ты озабочен благом всех людей,
Весь мир подлунный осчастливить жаждешь,
Меж тем обрадовать своих детей
Ты можешь, ибо это может каждый.

Я поздно понял, понял лишь теперь:
Чем миг, когда бывают рады дети,—
Нет ничего прекраснее на свете,
Ты мне поверь или же сам проверь.

Немного я знаю и сейчас,
А в молодости вовсе знал я мало,
Но я мечтал подчас, и в трудный час
Мечта меня от гибели спасала.

Она одна лелеяла меня,
Когда, бывало, падал я в бессилье,
Бескрылому, она дарила крылья
И, пешему, давала мне коня.

Как часто в час тревоги и беды
Спасался я, живя воображеньем,
И в бурю зацветали вдруг сады
И оглашались дали птичьим пеньем.

Кто не мечтал, тем было тяжелей,
И я, наверно, выжил бы едва ли,
Когда моих бессильных журавлей
Вдруг хищники под небом догоняли.

Пусть не было надежды никакой,
Но там, где даже реки были немы,
Мечтал я, и казалось, что рукой
Касался камня и снегов Чегема...

* * *

Поможет мне мой спутник, если вдруг
Я упаду, пути не одолею,
Голоден буду — даст мне хлеба друг,
Родня придет, когда я заболею.

Я жил среди людей, и всякий раз
Спасали от беды меня,
и все же
В конце концов такой настанет час,
Когда никто уж мне помочь не сможет!..

ПЕЙЗАЖ С МУЛОМ

После работы дремлет мул,
Сейчас его никто не тронет.
Он голову слегка нагнул,
Блаженствуя в своем загоне.

Лиловы тени тополей,
Стоящих где-то в отдаленье
И проходящих на людей,
С полей вернувшихся в селенье.

От тополей ложится тень.
Мул задремал: отстаньте, люди.
Сегодня был нелегкий день,
И завтра день не легче будет.

Но между тем и этим днем
Он может отдохнуть немного,
Забыв, что ждет его потом
Опять поклажа и дорога.

Пусть отдыхает он во сне
От пыли, от дневного зноя,
От тяжелой кладки на спине
И хворостины за спиною.

Сейчас забыл он обо всем,
Он задремал в своем загоне.
Поклажи не было, и днем
Его не обгоняли кони.

Длиннее тени, тише гул,
Аул стихает полусонный.
Блистают звезды, дремлет мул,
Счастливый и освобожденный.

Он не подвластен никому,
Он сладко спит в своем загоне,
И снится, может быть, ему
Вода в ручье, трава на склоне...

«Мало жили, много пережили!» —
Присказка мне помнится одна.
Так у нас в Чегеме говорили,
Там, где камня больше, чем зерна.

Я услышал это изречение
В дни, когда я был и глуп и мал,
Но доподлинно его значенья
Долго я еще не понимал.

Я потом довольно пролил крови,
Все познав, что было суждено,
Старое чегемское присловье
Понял я, увы, не так давно.

Не была поката и полога
Поколенья моего дорога.
Много ли осталось нас в живых?
«Мало жили, пережили много!» —
Сказано о сверстниках моих...

* * *

Только если мать ее качает,
Колыбель воистину тепла,
Ярче всех огней огонь пылает,
Если в печке мать его зажгла.

Нам вовек вкуснее не есть
Хлеба, что едим под отчей крышей.
Никогда нам песни не услышать
Лучше той, что в детстве пела мать.

Скроенная матерью одежда
Всех нарядов краше и теплей.
Дни, что в материнском доме прожил,
Лучше всех твоих счастливых дней.

Нету утешительного слова,
Кроме слова матери твоей.
Материнское лицо милей
И красивей всякого иного.

Но пока глупы, пока мы дети,
Матерей ценить нам недосуг,
Мы потом поймем, что рук на свете
Нет нежнее материнских рук.

* * *

Колыбельную песню слагал я горам,
Чтобы спали, как пахарь усталый,
Чтобы мягкой подушкой быть облакам,
А туману в горах — одеялом.

Для деревьев искал — колыбельный мотив,
Чтоб спокойно они засыпали,
Чтобы спали деревья, вершины склонив,
Позабыв про дневные печали.

Только морю я песен не пел никогда
В час прилива иль в пору отлива,
Потому что от века бурлива вода
И в своем непокое счастлива.

* * *

И абрикос в саду цветет опять,
Опять в саду все розово и бело,
Как в дни, когда моя родная мать
Была жива и на него глядела.

Цветенье абрикосовых ветвей
Сегодня так же пышно, как когда-то,
Но нету следа матери моей
Между деревьев на траве примятой.

И хоть раз десять вядшая трава
Шагов ее уже не вспомнит ныне,
Как в дни, когда она была жива,
Вокруг цветут сады и небо сине.

Опять в Чегеме абрикос цветет,
Как будто ничего не изменилось,
И кажется, что мать моя вот-вот,
Пройдя по саду, за оградой скрылась...

* * *

Безмолвный камень, ничего плохого
Я не посмею о тебе сказать:
На камень здесь моя садилась мать
И отдыхала от труда дневного.

Я прожил век с непоколебимой верой,
Что в мире ничего прекрасней нет
Ночей, когда ложится лунный свет
На этот камень, неживой и серый.

О камень дорогой земли моей,
Краса твоя навеки дорога мне!
Сын этих гор, я рос среди камней,
Рожденный в доме, сделанном из камня.

Между камней с мальчишками стремглав
Когда-то в детстве бегал я беспечно,
И, глыбу камня в черный день обняв,
Я плакал, веря, что беда не вечна.

Лилась ли кровь, огонь ли бушевал,
Ты вынес все и не переменялся.
Я стойкость у тебя перенимал,
Я твоему терпению учился.

* * *

Порой и я сникаю, загрустив,
Порой овладевает мной тревога,
Порой мне кажется: моя дорога
Окончилась и впереди — обрыв.

Теперь, с годами, мне все чаще мнится:
Я дерево, что отжило свой век,
Чьим листьям и ветвям не распусться,
Которое лишь на дрова годится,
Но почему-то медлит дровосек.

Но утешаюсь, слабый человек,
Я в час такой у очага родного,
Гляжу на летний дождь, на горный снег
И силу духа обретаю снова.

И снова солнце светит мне с небес,
И кажется, что повернулось время,
И мальчиком опять я еду в лес
На ослике своем в родном Чегеме.

Нет старости, и нет иного зла,
Земля родная снова, как когда-то,
От цвета алычи белым-бела,
От цвета абрикоса розовата.

Ни старости, ни смерти — ничего
Нет на земле, и войны не гремели,
И скачут кони детства моего,
И пастухи играют на свирели!..

МОРЕ

М. Дахкильговой

1

Среди сосен дом, где мы живем,
Рядом с домом море голубое,
Мертвый рокот моря нам с тобою
Слышен утром, вечером и днем.

Нам порой бывает суждено
Чувствовать себя его волнами:
Солнце в небе светит нам одно
И одни дожди идут над нами.

Как тому назад пять тысяч лет,
Стонет море ласково и властно,
Кажется и нам, что мы причастны
К вечности, которой сроков нет.

Долговечны сосны, но любая
Смертна, и, быть может, потому,
Бесконечность моря созная,
Дерево завидует ему.

И в погожий день издалека
В небе, над морской водою, те же,

Что над деревьями побережья,
Облака плывут или века.

2

Ничего не сказано вовек
О тебе и о твоей стихии,
Ты свободно, словно человек
Лишь теперь пришел к тебе впервые.

Вечны эти волны и песок
И в тебя впадающие реки,
Не менялось ничего веки,
Над тобой лишь небеса и бог.

Птица, в воду обронив перо,
Над морской водой летит беспечно.
Вечны на земле добро и зло,
Люди смертные, мы тоже вечны.

И пока на свете я живу,
Я неуязвим, как все живые,
Я гляжу и вижу синеву,
Будто я открыл ее впервые.

За море уходит солнце спать,
Над водой помедлив лишь мгновенье,
И ложится на морскую гладь
Лунный свет, как в первый день творенья.

3

На песке сажу я под сосной,
И мне кажется: я вижу в море —

Вечно чередуются и спорят
Темная со светлою волной.

Под сосной сижу я на песке,
Постигая благодать покоя,
И проходит тихо предо мною,
И мелькает где-то вдалеке
Жизнь моя — все доброе и злое.

Здесь, у моря, я друзей своих,
Всех до одного, припомнить силюсь,
Всех сегодняшних и всех бывших,
Где б сейчас они ни находились.

Думаю о том, что суждено,
О несбыточном и неизбежном,
Строю замки на песке прибрежном,
Хоть волна их смоеет все равно.

На песке сижу я под сосной,
Так смотрю на мир, как будто с детства
И за годы, прожитые мной,
Не успел досыта наглядеться.

4

На плечах и на руках твоих
Капли моря и его прохлада,
Счастье светится в глазах твоих.
Людам, нам, для счастья много ль надо?

Так сейчас идешь ты по песку,
Будто все на свете в нашей воле,
И печали на твоём веку
Не было и не случится боле.

Вижу я тебя, легко и мне,
Будто бы мечты мои бывшие
Не терялись никогда на дне
Тех пучин, что глубже, чем морские,

Будто бы все в жизни решено
Навсегда под этим небом синим,
Будто раны все давным-давно
Зажили и не болят поныне,

Будто ничего плохого нет
Из того, что лишь недавно было,
Будто тяжесть лет и тяжесть бед
С наших плеч некрепких море смыло.

5

Билась ночью в берега волна,
Молнии мелькали то и дело.
Я благодарю тебя, сосна,
Что ты в бурю эту уцелела!

Ночью ветер дул и гром гремел
Над тобой, стоящей одиноко,
Ветер сник, и гром как ни хотел,
Все же не свалил тебя до срока.

Злился ветер, рвал железо с крыш,
Гнула и скрипела ты, бедняга,
Но унялся он, а ты стоишь,
И для нас с тобою это благо.

И опять встречаешь ты зарю,
Греешься в лучах тепла и света.

Я сейчас тебя благодарю
И боготворю тебя за это.

Ты стоишь такая, как была,
И хранишь по-прежнему молчанье,
Веру укрепив в моем сознанье,
Что добро порой сильнее зла.

6

Там, на море, солнце, заходя,
Красную дорожку прочертило,
Мне напомнив красноту кизила
У реки Ак-Су после дождя.

Багровеет солнце заходя,
Женщина идет легко и важно,
И заснуло малое дитя
На ее руках, от моря влажных.

И хоть волны в этот час красны,
Красный цвет отмерен строгой мерой,
С противоположной стороны
В море входит вечер — буйвол серый.

Почему-то мне особо мил
Час прощанья с солнцем заходящим,
Все прекрасно: буйвол, и кизил,
И красавица с ребенком спящим.

Пламень солнца в волосах ее,
Рокот моря, берегов молчанье,
И ребенок на руках ее
Подтверждает вечность мирозданья.

Море, ты прости меня сейчас,
Я перед тобой раскрою душу,
В том признаюсь, что люблю я сушу,
Где мальчишкою овец я пас,

Землю, где весной кизил цветет,
Где всегда хранят молчанье скалы,
Где у дома тесный огород
В дни былые мать моя копала.

Я еще люблю огонь в печи,
Пред которою играют дети,
Дождь, стучащий по окну в ночи,
Петушиный окрик на рассвете.

Я люблю поля среди камней
И готов признаться, что, быть может,
Теснота родной земли моей
Мне любой бескрайности дороже.

Может быть, я тяжко согрешил
И виновен перед краем отчим
В том, что я и море полюбил,
Ширь его увидевши воочью.

На земле так много зол и бед,
На земле людской так много горя,
Ну, а ты невозмутимо, море,
Будто в мире вовсе горя нет.

Я глухой твой голос, зов твой вечный
Слышу в час дневной и в час ночной,
И мне кажется: мои предтечи
На невнятном, но родном наречье
В час печали говорят со мной.

Все я видел: счастье и невзгоды
Жизнь моя седлала для меня,
Чередую в прожитые годы
Белого и черного коня.

И теперь тебя прошу все чаще,
Руку поднося к своей груди:
Убеди меня и подтверди,
Что не все на свете преходяще!

Ты неуспокоенных людей
В час покоя озари покоем,
Море, награди добро людское
Широтой и вечностью своей.

ГОРЦЫ-КРЕСТЬЯНЕ

Труженики, не говоруны,
Горцы жили, горцы умирали
Здесь, в родном краю, где кабаны
О деревья искры высекали.

Здесь всегда соседи, как могли,
Всем в беду попавшим помогали,
И они кому б ни помогли,
После никогда не поминали.

Горец в пахоту бросал зерно,
Но, как ни трудился, ни старался,
Урожай высокий все равно
Снился часто, редко выдавался.

И когда, слетая с высоты,
Снег ложился, склоны украшая,
Людам было не до красоты
В думах о скоте и урожае.

Черный ветер разорял подчас
И гасил очаг угла родного,
Но очаг свой горцы всякий раз
Ладили и разжигали снова.

Черный вол тащил арбу с трудом,
В двери горе черное стучалось.
Горский хлеб был темен, темен дом,
Только совесть светлой оставалась.

Здесь не торопясь вникали в суть,
Перед тем, как высказать сужденье,
И в того, кто оступался чуть,
Не бросали яростно камня.

Были в этом крае средь камней
Низкорослы буйволы и кони,
А высоки были с давних дней
Звезды на вечернем небосклоне,
Горы и достоинство людей.

Здесь ценили слово, хлеб ценили,
Не точили понапрасну ляс,
Нешумливо в этом крае жили,
Тихо умирали в должный час.

* * *

Меня схороните у скал:
Здесь был я рожден и сначала
Из люльки безмолвные скалы
На этой земле увидал.

Меня положите у скал:
Я знаю, мой прадед, бывало,
Молил о прощении скалы
И с этого день начинал.

Заройте в родимом краю,
Где высятся серые скалы.
Я знаю: им мать поверяла
Печаль и тревогу свою.

От ран изнывая, отец
На серый гранит опирался,
Подняться хотел, не поднялся,
И в скалах обрел он конец.

Всех тех, кто здесь жил и страдал,
Учили терпению скалы,
А если его не хватало,
Срывался в низину обвал.

Не очень я вам досаждал,
И ныне за просьбу простите,
Но где бы я мертвым ни пал,
Прошу вас: меня отнесите
И похороните у скал.

* * *

Мула погонял когда-то
По дороге здесь, в горах.
И бешмет мой был в заплатах,
Был разодран на локтях.
    Как всегда, мой верный мул
    И меня и груз тянул.

Звонко стучали копыта,
И болталась голова,
И, ночным дождем омыта,
Сочная росла трава.
    Потому, наверно, мула
    В сторону, к траве, тянуло.

Ехал я, и шел я пешком,
Пел я, делал что хотел.
Рвал орехи я с орешин,
Их раскалывал и ел.
    Подставлял мне спину мул,
    Я вставлял и ветки гнул.

Кто меня тогда тревожил?
Где она была, беда?

Понял я намного позже,
Как я счастлив был тогда.
Никогда мне даже мула
После время не вернуло.

Дней минуло слишком много
С той поры, с бывшего дня,
Нынче даже та дорога
Вряд ли вспомнила б меня.
Да и мул, когда б ни пал,
Вряд ли бы меня признал.

* * *

Вы не плачьте в день моей кончины,
Поглядите на громады скал:
Я любил безмолвные вершины,
Потому что боль их понимал.

Вы у моего не плачьте гроба,
Видя даль, что окружает вас:
Я любил ее, любил особо
В час рассветный и в закатный час.

Вы не плачьте над моей могилой,
А безмолвно посмотрите ввысь,
В небо над землю нашей милой,
Где с дымками облака слились.

Не горюйте, что ушел до срока,
Но, порою видя в окнах свет,
Думайте, что за одним из окон
Я сижу и мне скончанья нет.

Не горюйте, что меня не стало,
Жизнь идет, и вдоль могильных плит,
По тропе, где я ходил, бывало,
За водой красавица спешит.

Обо мне горюйте, да не очень,
Не печальтесь, что я мало жил.
Я вам оставляю дни и ночи,
Небо, землю — все, что я любил.

Сколько слез прольется, пусть прольется,
Но прошу вас: думайте подчас
Обо всем, что в мире остается
Вечным после каждого из нас.

* * *

Быть может, ветерок с высоких гор
Подует вдруг и к нам влетит во двор,

Пошевелит листвою в садах зеленых,
Переберет траву на горных склонах,

Пред тем, как долететь в низину к нам,
Коснется крыльями реки Хулам,

На берегу пошевелит стога,
Овеет буйволиные рога,

Погладит в упоении счастливом
Ослов и мулов по коротким гривам,

И чахнувшим посевам принесет
Прохладу дальних склонов и высот,

И людям, после всех трудов усталым,
Быть может, будет утешеньем малым.

ПИСЬМО К РАСУЛУ ГАМЗАТОВУ

«Беречь друзей!» — ты написал, Расул.
Вот жить не зря единственное средство, —
И, как строку ответа ни рисуй,
Не нарисуешь безутешность сердца.

Во всем ином то я, то ты неправ,
Но прав твой лист, изъятый из тетради.
Не дай нам бог друзей легчайший прах
Оплакивать при черном снегопаде.

Покуда пули, спящие в стволе,
Пеклись во сне о смертоносном деле,
Текли беспечно реки по земле,
Беспечно мы в глаза друзей глядели.

Недолг сон всех пуль во всех стволах,
Недолг срок от дружбы до утраты:
Где этот друг мой или тот стоял,
Теперь то снег, то — ничего, то — травы.

Склонялись мы к тому, кто падал ниц,
Не поровну нас опалило пекло.
О, лучше ты останься и склонись,
Я буду пеплом, буду меньше пепла!

У нас пред ними не было вины,
Кроме войны, в которой неповинны
Живые мы и мертвые — они.
Но кто разметил эти половины?

Они хотели жить, и я хотел,
И я хочу, но все же не настолько,
Чтоб жить взамен тех юных душ и тел,
Убитых беспощадно и жестоко.

Железный и глухонемой туман
Был нас сильней и нас разъял с друзьями.
Мы плакали, а он их отнимал,—
Железо не разжалобишь слезами.

Я выбрал риск, но я бы не рискнул
Не заручиться долголетьем друга.
Как трудно уберечь друзей, Расул,
Как трудно уберечь, Расул, как трудно!..

* * *

Луна над домами. Тебе и луны не дано.
У нас уже лето. Но это тебе все равно.

Построили дом, выпекают хлеба и поют.
Но что для тебя этот бренный и бедный уют!

И солнца восход пред твоей темнотой — суета.
Ты жил сколько мог, а дальнейшее — длится всегда.

Вовеки не будет ни трав, ни дождя, ни огня,
Ни брата, ни матери и никого никогда.

Когда бы камням втолковать череду твоих дней —
Взлетел бы орел, ужаснувшись рыданью камней.

Покинутый всеми, зачем ты взываешь ко мне:
«О, если б в Чегеме, в его каменистой земле!»

Деревьям и скалам известно, что птичья беда —
Не гибель, а гибель вдали от родного гнезда.

Прости, что я плакал слезами деревьев и скал,
Прости, что ни деревом и ни скалою не стал!

Прости, что ты раньше. Прости, что при чуждой заре.
Прости, что я позже. Прости, что в родимой земле.

Чтоб зренье не тратить на все, что не скорбь о тебе,
Глаза прикрываю и слепо иду по тропе.

Ты — птицы беднее. Ты не дотянул до гнезда.
Ты нищ, словно камень, упавший туда, где вода.

Как дым одичавший на месте бывшего жилья,
Как пепел пожара — печаль по тебе тяжела.

Сказали мне люди: «Поэт — кто велик,
иначе впустую потрачена мука.
Вели нам — и сделаем, как повелишь!»
Куда там! — ни мысли, ни слова, ни звука.

Любая строка — это путь муравья,
истершего горб о невидимость ноши.
Рука добывала и в клочья рвала
непостижимые формулы ночи.

Сказали мне люди: «Учи нас уму!»
Я б раньше детей научил непременно,
да где мне! Догадка: неужто умру? —
влечет не учить, а любить непомерно.

Ни знанья, ни мудрости мне не дано.
Так дни проходили и ночи чернели.
Но знал я: что мне разгадать мудрено, —
не мудрствуя, ведает пахарь в Чегеме.

Блажен грамотей, не попавший впросак
и не удрученный сомнением напрасным.
Я был опрометчив, но все же не так,
чтоб это блаженство накликать на разум...

* * *

Что бы ни делалось на свете,
всегда желавшем новизны,
какой бы новый способ смерти
ни вызвал старый бог войны,—

опять, как при слепом Гомере,
лоза лелеет плод вина,
шум трав и розы багровенья —
всё, как в иные времена.

И слез о смерти так же много,
и счастлив, кто рожден уже,
и так свежо, так старомодно
бессмертья хочется душе!..

ЛЕТНИЕ СТРОФЫ

В путь-дорогу вышел я чуть свет,
А в дороге ничего чужого,
Вроде все знакомо с давних лет.
Хорошо ли мне?
А что плохого?

Сыр нарезал, хлеб переломил,
Из ручья напился ледяного.
Багровеет на горе кизил.
Хорошо ли мне?
А что плохого!

Камешки бросаю с высоты
Вниз, где от кизила все багрово.
Нету ни забот, ни суеты.
Хорошо ли мне?
А что плохого!

Я валяюсь на траве густой
Под покровом неба голубого.
Не иду, не тороплюсь домой.
Хорошо ли мне?
А что плохого!

Теплый камень, горы, облака —
Ничего не надо мне иного.
Дровосек идет издалека.
Хорошо ли мне?
А что плохого!

Я сижу на камне, рву кизил.
Кажется, что ничего дурного
В жизни я еще не совершил.
Хорошо ли мне?
А что плохого!

* * *

Когда в тебе самом
Осталось сил немного,
Когда твоя дорога
Короче с каждым днем,
И слабый и седой
То делай, что по силам,
И не сиди унылым,
На мир махнув рукой.

В нестарые года,
Пока не сброшен с круга,
Веселым быть всегда
Не велика заслуга.

Но мне милее те,
Кто обладает, к счастью,
Стремленьем к доброте
И склонностью к участию,

Кто и на склоне лет
Все сделает, что может,—
Подаст благой совет
И опытом поможет.

Живой, ты жизнь прожил
Еще не до предела,
Живи и делай дело
По мере малых сил.

* * *

Душою не криви,
Всегда все делай кстати,
По возрасту живи,
Носи по мерке платье.

Как жалок молодой,
На старика похожий
Повадкою, одеждой
Иль длинной бородой.
И очень жалок тоже
Иной старик седой —
Плясун среди молодежи.

Надев чужой парик,
Не станут храбры трусы,
Будь стариком, старик,
Юнец — юнцом безусым.

Пусть каждый человек
Не забывает это:
Хорош зимою снег,
А дождь в разгаре лета.

Стараться для чего
То делать, что не можем?
Будь лишь на самого
Себя всегда похожим!..

* * *

Как ловко, мальчик, камень ты кидаешь,
Легко бежишь и пламя разжигашь.

Как все прекрасно для тебя вокруг:
И небо в облаках, и в травах луг.

Пусть для тебя останется всегда
Незамутненной чистая вода.

Счастливым будь — мне большего не надо,
Ведь старость радостью чужою рада.

О том, что я мудрей тебя пока,
Ты не жалея: печаль невелика.

Пройдут года, ты мудрым станешь тоже,
Но никогда не стану я моложе.

Не я это открыл,
Но нет большой печали,
Когда я повторил,
Что до меня сказали.

Пусть старые слова
Я повторил, но все же
И, в старых, в них нова
Моя печаль, быть может.

ЛЕГКАЯ ПЕСЕНКА

Эта песенка легка,
Словно быстрая река,
Что по камешкам и скатам
Вечно вдаль летит куда-то,
А сама невелика.

Эта песенка легка
Легкостью того листка,
Что на кустике кизила
Нынче солнце осветило
И подкрасило слегка.

Этой песенки строка,
Как лесная лань, легка,
Лань, что в зарослях кизила
На мгновение застыла,
Прибежав издалека.

Эта песенка легка,
Словно шелест ветерка,
Песенка в твой дом влетела,
Крыльями прошелестела
И умчалась в облака.

ПЕСНЯ РЕШИМОСТИ

Пусть пугает даль громами,
Где-то молния сверкнет,
Пусть столетний ствол иль камень
На дорогу упадет,
Все-таки иди вперед.

Хлещут пусть, не уставая,
Непроглядные дожди,
Пусть шальная волчья стая
Воет где-то впереди,
А ты все-таки иди.

Тьмою ночь тебя обложит,
Будет все темно вокруг,
Потеряет веру, может,
И тебя поманит друг,

Женщина свернет с дороги,
Ты ее не осуди,
До крови сотрешь ты ноги,
Только малость пережди,
А потом опять иди.

Пусть свербит былая рана,
Пусть рассеется мечта,
За тобою неустанно
Пусть крадется клевета,
Помни: это все тщета.

И не говори покуда,
Что дойти не суждено,
Это кажется смешно,
Но когда ты веришь в чудо,
То сбывается оно.

Пусть тебя осудят строго,
Пусть подумают, что ложь
Все, что правдой ты зовешь,
Избранной своей дорогой
Все ж иди, и ты дойдешь.

* * *

Рассвет на скалах — розовый олень!
Он заглянул в мою тетрадь, и — сразу
Моей земли лицо открылось глазу,
Встающих птиц прильнула к уху звень!

Я вижу все, что видится горе,
Глядящей, как рассвет, в мою страницу:
Пока еще зеленую пшеницу,
Тропу, рога коровьи во дворе.

Петух поет, как прежде, на крыльце
Насквозь пронизанного солнцем дома.
И отливает золотом солома,
И лают псы, как при моем отце.

Рассвет в горах. Люблю я в этот час
Душою свежих строк, что им согреты,
Благословлять грядущие рассветы
И смену дней, что будет после нас.

ПЕЙЗАЖ С МЕЛЬНИЦЕЙ

Речка аул, как клинком, рассекла.
Мельница. Тень ее в речке дрожит,
Сверху над мельницей виснет скала,
Снизу — в ущелье дорога бежит.

Рядом, на склоне траву разостлав,
Кормит коров и овечек земля.
Мальчики, будто коней оседлав,
Ездят на палках, шумя и пыля.

Некогда был я такой же ездок.
Помню ту пору. Она далека.
Мельника помню. Мельник Эдок,
Сколько я помню, был бел, как мука.

Вкруг тебя, мельница, будто кусты —
Годы. У детства застыв на меже,
Мельница, старая мельница, ты
Помнишь меня? Иль забыла уже?

Все здесь как было: скала как стена,
В глуби ущелья и в полдень темно.
Козы пасутся. Трава зелена.
Только Эдок — на погосте давно.

Речка быстра, а гора высока.
Речки нет громче, горы нет белей.
Сколько видали они за века,
Сколько родни проводили моей!

Спят они в скалах средь грозных крутизн.
Мельница долго кормила их тут.
Жернов, ты только крутись и крутись,
А зимы и лета — уйдут и придут!

Овцы, коровы траву целый день
Щиплют. Дорога в ущелье бежит.
В речке Жилги старой мельницы тень,
Словно озябнув, дрожит и дрожит...

* * *

Если мельник уснет — все равно
Жернов будет молоть зерно,
Он вершить свой круг не устанет.
Рухнет дерево, но звезда,
Что светила над ним всегда,
Вдруг слабее светить не станет.

Кто б навек ни уснул, ни ушел,
Будет ветер свеж, чист помол,
Будет детство бросать свой альчнк.
Если кто-то не будет жить,
Жизни крыл своих не сложить.
В это веря, живи, мой мальчик!

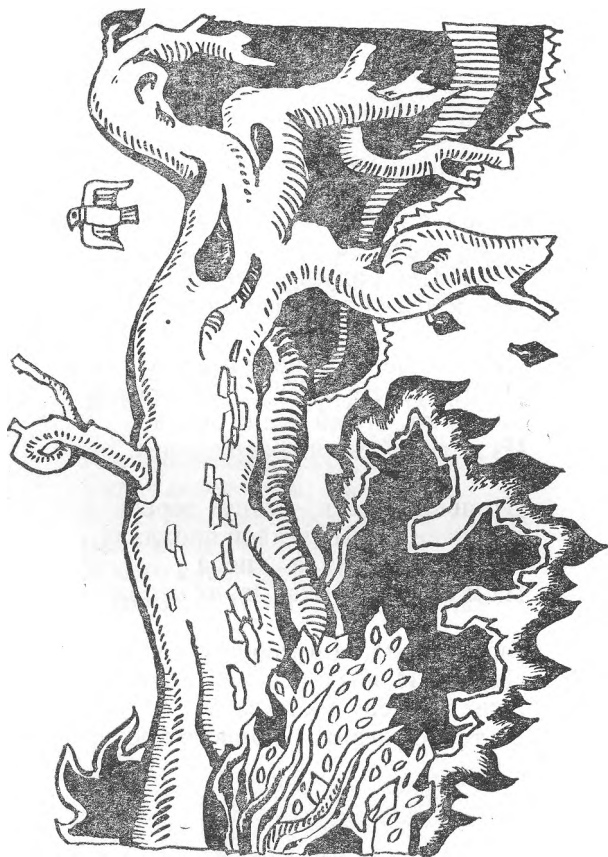

Птица, в небо уходя, поет,
Возвратясь, на дерево садится,
Дерево, ей радуясь, цветет.
Вечна дружба дерева и птицы!

Песню птичью дереву понять
Очень просто: в ней благодаренье
За приют, что ей сулит опять
Из далекой дали возвращенье.

Птичья радость — тянут дерева
К синеве густых ветвей прохладу,
Чтобы им вернула синева
Их жильцов пернатых, их отраду.

Вновь весна. И в тающем мелу
Дерево. И, возвращаясь снова,
Птица дереву поет хвалу
За тепло гнезда — родного крова.

* * *

— Дерево, плоды свои и тень
Ты не раз дарило мне. Я видел
Тишину твою. А в трудный час —
Прямоту, спокойствие и щедрость.
Видеть это я б всегда хотел.
Ну, а что б ты от меня хотело?

— Чтобы, корни глубоко пустив,
Стоя жить и умирать учился!..

* * *

Вол устает плестись, а конь скакать.
У времени нет времени устать.

Машина — плод ума и плод труда —
Устаревает. Ветер — никогда.

Чинар. Он увядает в должный срок.
Неувядаем радости исток.

Скала, став пылью, улетает вдаль.
Но тяжела и малая печаль.

Мудрец умолкнет, и герой умрет.
Но лишь неотвратим весны приход.

Роса. Травинка. Неба синева.
Да, жизнь есть жизнь. Она — всегда нова!

* * *

Голову уткнув тебе в колени,
Я дремал, я знал: со мною мать.
Никогда в подобном упоенье
После не случилось мне дремать.

Не было ни боли, ни тревоги
В те мои счастливейшие дни,
Мне платком ты укрывала ноги,
Нывшие от вечной беготни.

Плечи мне руками согревала,
Не расспрашивала ни о чем,
Волосы мои перебирала,
Как никто и никогда потом.

Ничего мне не было обузой,
Не страдал еще я ни о ком,
Ты благоухала кукурузой,
Огородом, козьим молоком.

Много весен с той поры я прожил,
А гора белеет, как тогда,
В дни, когда была ты молода,
Чем сейчас твой сын, куда моложе.

Те виденья в душу мне запали,
Ты тогда склонилась надо мной,
А снега белели и мерцали,
Озаренные вдали луной.

Нынче звезды в небе не тусклей,
Будто воин на свете не бывало,
А на голове седой моей
Все еще, как смоль, копна кудрей
Тех, что ты тогда перебирала.

Шелестит зеленая листва,
Зеленеют всходы в чистом поле,
Будто, мама, ты еще жива,
Будто я не стар еще, не болен.

Будто бы тяжелых лет и бед
Быть мне очевидцем не случилось,
Будто бы опять на склоне лет
То мне снится, что когда-то снилось...

* * *

Я на огонь гляжу и верю: впредь
Огню всегда, как издавна, гореть.

И снова будет дни вершить закат
Всегда, как много лет тому назад,

И будут впредь платаны зеленеть,
Арбузы будут зреть, снега — белеть.

На свете будет все, как должно быть,
Как деды родились, родятся внуки,
Невесты будут женихов любить,
А жены ждать и слезы лить в разлуке,

И будет для кого-то в светлый час
Луна светить, как будто в первый раз,
И будут в небе звезды вековые
Гореть, как будто бы зажглись впервые,

И будет литься дождик, как сейчас,
И песня старая впервые петься,
И будет чье-то повторяться детство,
И смерть придет к кому-то в первый раз.

И через век увидит человек
Наш мир, каким казался нам вначале,
Как будто горя не было вовек
И в мире никого не убивали.

На свете будет все казаться новым,
Деревья будут мокнуть под дождем,
И ведра наполняться молоком,
И поражать нас мудрость вещим словом.

Река не старится, не устает,
Хоть и столетья по земле течет,
Гора за тысячелетья не дряхлеет,
Не меркнет горе, радость не скудеет,
Что жило испокон, то и живет,
Растет пшеница, море не мелеет,
И не стареет мир из года в год.

ИРАКЛИЮ АБАШИДЗЕ

Коль выпадет вдруг мне увидеть: горит все печальней
Звезда моя в сини над белыми шапками гор,—
Друзей я окликну. Откликнутся ближний и дальний —
Откликнутся все, где б в горах ни горел их костер.

— Мы слышим тебя! — я услышу. И сразу увижу:
Печаль отошла и, светлей разгораясь, звезда
Встает над Кавказским хребтом, поднимаясь все выше,
Где туча печали не скроет ее никогда.

Не так уж и много, друзья, мне из звездного рога
Свет ваших имен, от которых теплеет душа,
Дарила судьба... Высока моя с вами дорога,
Где с вами встречаюсь я, воздухом дружбы дыша.

К хребта белизне повернусь я и крикну: «Иракий!..» —
«Кайсын!..» — я услышу в ответ, ошастливлен судьбой,
Как будто издревле в ауле одном наши сакли
Стояли бок о бок и шли мы одною тропой...

Что нам километры, коль нет между нами и метра,—
Идем локоть к локтю. Виски, как у гор, в серебре.
И если чинар твой вдруг рухнет однажды от ветра —
Трясется чинар в эту ночь у меня во дворе.

И если залает твой пес — слышу я через горы.
Нас Ушба роднит, хоть мы с разных сторон искони.
И матери наши, одевши печали уборы —
Все в черном, — глядели когда-то на горы одни.

О, матери наши! О, как они счастье молили
Крылом своим радужным нас, сыновей, осенить!..
В тот миг, когда Лермонтов пал, горы боль затаили —
Пронзила сердца нам с рождения боли той нить!..

«Ираклий!..» — кричу. И «Қайсын!..» — слышу голос твой
тотчас.

Эльбрус мой, он — твой! Твоя Ушба — моя на века!..
Как свет и покой — горы высятся, сосредоточась,
Как наши раздумья, над ними светлы облака!..

Наклевавшись чистого зерна
И напившись ключевой водицы,
Неустанно славословит птица
Светлый мир, где солнце и весна.

Славит птица лето и зарю,
Славит счастье в мире необъятном
И весь день поет: «Благодарю!»—
На своем наречье непонятном.

Птица мир благодарит всегда
И за то, что в мире есть еда,
Есть вода и есть у птицы крылья,
И за то, что на пути сюда
Не упала вниз она в бессильи,
И еще за то, что холода
Где-то там ее не прихватили,

И за то, что дарят ей ночлег
Ветви дуба, где она гнездится,
Что ствола не рубит дровосек.
Но порою, как ни рада птица,
Чуть вздремнет она, и ей приснится
Ястреб пад гнездом и лютый снег.

Но, вечерним страхам вопреки,
Вновь пробудится она с зарею
И увидит небо голубое,
Зелень листьев, солнце над собою,
И вдали услышит плеск реки,
И почувствует, что за спиною
Крылья вновь легки и широки!..

МОЛНИЯ В ГОРАХ

Эльбрус сегодня мрачен и гневлив,
С вершины в пропасть головни бросает,
Иль, каменные глыбы отвалив,
Он, как кресалом, искры высекает.

Мы, как бы ни гадали, не пойдем,
Что хочет он, какой задался целью,
Но блещет молния, грохочет гром
И наполняет пламенем ущелья.

Сверкают молнии, сияют блики,
Иль, может статься, новый Прометей
Опять у небожителей великих
Крадет сейчас огонь для нас, людей?

Там, где в пути остановились мы,
Темным-темно, но молния огнями
Вдруг вырывает из крошечной тьмы
То снег, то склон, и гром гремит над нами.

Нам переждать грозу и вновь идти
Удастся ли, промокшим и усталым?
И знать бы, не размыты ли пути
Грозою за Хуламским перевалом.

Свет молний снова вспыхнул и погас,
И снова гром громады гор потряс.

Сейчас, что б ни случилось, все возможно.
Страшатся даже горы в этот час,
Дрожат во тьме, насупившись тревожно,
Хоть и спокойствию учили нас...

* * *

«Жизнь живущего — только мгновенье», —
Говорят мудрецы и народ.
Но весной не иссякнет цветенье,
Хоть мгновение чье-то пройдет.

Все живое на свете конечно,
Но порой создают для веков,
Что потом остается навечно,
Руки смертных земных мастеров.

Как ни короток век иноходца,
Но, пока он на свете живет,
Словно смерть скакуна не коснется,
Он несется вперед и вперед.

Я не мастер отгадывать сроки,
Но, покуда на свете живу,
Вновь читаю великие строки,
Хлеб жую и ложусь на траву.

Я не знаю, надолго ль дана мне
Эта жизнь, но я слышу пока
Пенье птиц и молчание камня,
Звон капли и шум родника.

Вижу снег за окошками белый,
В зимний день я сижу у огня
И посильное делаю дело,
Может быть, долговечней меня.

К множеству иных грехов моих
Грех еще такой причислить надо:
В миг, когда я вижу молодых,
Мной владеет горькая досада.

Не для всех морская синева,
Не для всех далекая дорога,
Лишь на летних пастбищах трава,
На зимовьях только снега много.

На моем зимовье и весной
Снег лежит, не тая даже в зной,
А они — иное поколение —
Белы, но не снежной сединой —
Белизной весеннего цветенья.

И хотя порою недосуг
Молодости глупой делать что-то,
Ей посильна всякая работа,
Ну, а у меня нет-нет и вдруг
Дело что-то валится из рук
И овладевает мной дремота.

Помню, птицы юности моей
Тоже пели и взлетали в небо.

Не понять тому, кто старым не был,
Что нельзя вернуть ушедших дней.

На юнцов счастливых всякий раз
Я смотрю печальными глазами.
Им я и завидую подчас
И грущу: они в свой звездный час
Счастья своего не ценят сами,
И они, что молоды сейчас,
Тоже скоро станут стариками.

ЕЛИ ЗИМОЙ В ГОРОДЕ

Может, правда мир сошел с ума?
Все зеленое стоит белея,
Может статься, что с весной зима
Встретились на городской аллее?

Может, нет зимы и нет весны,
Или между ними нет раздела?
Только ветви елей зелены,
А вершины их от снега белы.

Может, дни зимы и дни весны
Над макушками деревьев скрестились,
Чтобы елям снились те же сны,
Что когда-то мне, мальчишке, снились?

Нет весны и нет зимы сейчас,
Может, снег на ели не ложится?
А мальчишке — мне в который раз
Старый сон все снится, снится, снится.

Ни весны, ни лета — ничего,
Может быть, на самом деле нету?
Иль смешалось все: зима и лето,
Время увяданья и рассвета,
Старости и детства моего?

ПЕСНЯ МАЛЬЧИКА,
ПОЛИВАЮЩЕГО САД

За горою гром молчит,
Не слышать его, не слышать его.
Дождик что-то не спешит,
Не видать его, не видать его.

Дождик я опередил,
Я арык в саду прорыл,
Чтобы потекла сюда
Родниковая вода.

Будет счастлива трава,
Ой, зеленая, ой, зеленая.
Будут рады дерева,
Напоенные, напоенные!

Дождик я опередил,
Я арык в саду прорыл,
Чтобы потекла сюда
Родниковая вода.

Лист зеленый оборвет
Лапка зяблика, лапка зяблика,
Лист зеленый поплывет
Вдаль корабликом, вдаль корабликом!

Дождик я опередил.
Я арык в саду прорыл,
Чтобы потекла сюда
Родниковая вода.

Ветки нам подарят тень,
Все получится, все получится,
Все созреет, будет день,
Труд окупится, труд окупится!

Дождик я опередил,
Я арык в саду прорыл,
Чтобы потекла сюда
Родниковая вода.

ЗУЛЬФИИ

Горит внизу горы осенний жар,
Блестит чуть выше снег ее покрова.
Я вижу снег и золото чинар,
И о тебе я вспоминаю снова.

Сестра моя, живи и хорошей,
Как прежде, суетой пренебрегая,
Напоминай мне о красе своей
Красою моего родного края.

Собратья, на тебя мы неспроста
Всегда смотрели восхищенным взором.
Твоя нас покоряла красота,
А чистота была для нас укором.

Мне кажется, что излучает свет
Вся жизнь твоя и ныне и вначале:
Беда, что ты познала с давних лет
И мудрость нынешней твоей печали.

Что делать, если падает листва!
Я осень тоже причисляю к благу,
Недаром благодарные слова
Ложатся ныне на мою бумагу.

Прекрасна в мире всякая пора,
Весну и осень равно я приемлю.
Позволь благословить, моя сестра,
Твою поэзию, печаль и землю.

ПОСЛАНИЕ ГРУЗИНСКИМ ЖЕНЩИНАМ

Чем прекрасней земля — мне известно, —
Тем безоблачней небо над ней,
Где прекрасна земля, там невесты
Да и жены добрей и нежней.

На земле благодатной, я знаю,
Хлеб вкуснее и радостней труд,
Там свободней по отчему краю
Скачут кони и люди идут.

Чем прекрасней земля, тем щедрее
Благодатное лоно ее,
Чем прекрасней земля, тем мудрее
И счастливее жены ее.

О грузинские жены, не скрою,
Предо мною загадка одна:
Землю вы озарили красою
Или вас одарила она?

Ведь не зря отовсюду веками
Устремлялись поэты сюда
И влюблялись, плененные вами,
В вашу землю они навсегда.

И не даром же ваши предтечи
Вдохновить стихотворцев могли
Так, что строки на вашем наречьи
К небесам поднимались с земли.

Выпадало над родиной вашей
Столько смешанных с кровью дождей,
Но, оплакав мужей своих павших,
Провожали вы в бой сыновей.

О Ламары, Этери и Тины,
В восхищенье я сделал что мог:
Бросил вам через наши вершины
Этот стих, как чегемский цветок.

* * *

Женщины, я ль не страдал от вас,
Слез не лил, не пребывал в печали?
Разве вы несправедливых фраз
Мне в лицо порою не бросали?

Разве вы не лгали мне подчас,
Не вселяли в сердце мне тревогу?
Но всегда сиянье ваших глаз
Свет бросало на мою дорогу.

Быстро забывал я неспроста
О несправедливости вчерашней,
Мне казалось: ваша красота
Заставляла зреть мой хлеб на пашне,
И моя вода была чиста
Лишь от вашей чистоты всегдашней.

Можно ль не плениться всей горой,
Если камень на тропе случится?
Можно ль снегом гор не восхититься,
Хоть обвалы он сулит порой?

Если гром гремит в краю родном,
Отчий край разлюбишь ли за это?

Разве ты оставишь отчий дом,
Если там не топлено с рассвета?

Женщины, вы озаряли мой
Путь, который был порою темен.
С вами я не замерзал зимой,
И, бездомный, не был я бездомен.

Всякие бывали времена,
Радости и горе — все бывало,
Но поэзия существовала,
Вашей красотой вдохновлена.

Иной из нас бывает окрылен,
И упоен, и удовлетворен,
Когда он говорит плохое слово...
Как много было сказано дурного
О женщине всех наций и времен!

Из-за чего-то или без причины,
Со злости или просто так, шутя
Бросали сердце женщин в грязь мужчины,
Им за свое несовершенство мстя.

Но это сердце, брошенное наземь,
Чудеснейшее из земных чудес,
Поэты брали бережно из грязи
И с песней возносили до небес.

Словами ль, звуками творя им славу,
Или на белый лист кладя постель,
Пред циниками мира были правы
Поэты всех времен и всех земель.

Не только Гёте, что желал им счастья,
Не только Дант, что пел и тосковал,
Поэтом был и тот пастух иль мастер,

Кто разломил кусок свой на две части
И большую своей подруге дал.

Слова и краски — суть совсем не в этом, —
Я твердо знаю: может быть поэтом
И тот, кто песен не слагал вовек.
Кто женщину считал добром и светом,
Тот больше чем поэт — он человек.

* * *

Все в жизни испытал, я слышал хор похвал,
Я на пирах гулял, на свадьбах танцевал,
Я жизнь благодарил за все, чем обладал,
За всякий дар ее, велик он или мал.

Но более всего я мир благодарил
За то, что красотой он женщин одарил,
И более всего на свете я ценил
Возможность петь хвалу ей в меру слабых сил.

Для рек — блаженство течь, для листьев — шелестеть,
Для птицы — счастье петь иль в облаках лететь,
Для гор — вдали белеть, для звезд — в ночи блеснуть,
Для наших очагов — в морозный день гореть.

Так счастье для меня всегда, сейчас и впредь:
О женской красоте по мере силы петь.
Я пел о ней всегда — седой и молодой,
Я сравнивал ее с рассветом и звездой.

О женщины, без вас нет для меня пути,
Без вас ручьям не течь, деревьям не цвести.
Что мне без вас хвала, и слава, и покой,
Что мне без вас успех, большой иль никакой?

От вашей доброты казались иногда
Чуть-чуть светлей мои несветлые года.
Лишь вашей красоты святой и грешный свет —
Вот чем я был порой утешен и согрет.

Когда я говорил вам добрые слова,
Был снег в горах белей и зеленой трава.
И радовался я, как птица в день, когда
Остались позади снега и холода.

ЖЕНЩИНАМ, КОТОРЫХ Я ЛЮБИЛ

Женщины, которых я любил,
Вас я всех сегодня вспоминаю,
Осень и весну соединяю
В женщинах, которых я любил.

Вы — мой тихий праздник, день и ночь,
Вы — мое тепло в промозглый вечер.
Даже горе уходило прочь
Под рукой, ложившейся на плечи.

Ваши лица метила луна,
Губы пахли травами степными.
Точно звезд далеких имена,
Каждой для меня священно имя.

Снег отряхивая, рядом шли,
Под дождем бродили вы со мною,
Но теперь мерцаете вдали
Лишь моей зеленою весною.

Как ребенок видит шапки гор,
С вами я на мир глядел впервые.
Нежность вашу помню до сих пор,
Забываю раны ножевые.

Женщины, которых я любил,
Ни полслова нет для вас упрека.
Ты, цветок, любивший одиноко,
Разве солнце чем-нибудь корил?

Вы дарили счастье, как вино,
Горячо, свободно и мгновенно.
Ах, земной короткой жизни цену
Так давно я знаю, так давно!

Ветви памяти не обрубил,
Ночью вижу вас и утром ранним...
Женщины, которых я любил,
Пью из родника воспоминаний.

ЖЕНЩИНАМ, КОТОРЫЕ ЛЮБИЛИ МЕНЯ

Женщины, я повторяю снова,
Я считаю — мне всегда везло:
Доброе от вас я слышал слово
В дни, когда бывало тяжело.

Может, вашей доброте и силе
Я обязан тем, что не зачах
И в моих запущенных садах
Все же деревья плодоносили.

И в сознание, что вы были где-то
Даже в дни потерь и в дни разлук,
В дни, когда не видел я просвета,
Все-таки не опускал я рук.

Этот мир мне не казался серым,
Не казалась эта жизнь пуста,
Потому что мне была примером
Ваша мудрость, ваша чистота.

Вам, которые меня любили,
Кланяюсь за то, что вы подчас
Слишком высоко меня ценили,
Думая, что я достоин вас.

И хоть я героем был едва ли,
Все ж вы мне оказывали честь
И от прочих смертных отличали,
Чем меня порою заставляли
Быть намного лучше, чем я есть.

Олень зарю пронесит на рогах
Над бездною обрыва под бедою,
Он видит небо синее в горах,
Белеющих над тихою водою.

Как чист источник! Как вкусна трава!
Как свеж прозрачный воздух перевала!
Олень силен и молод. Синева
Безоблачна. И пуля — миновала.

Он знает это... Я к тебе прийти
Хотел оленем юным, а не мулом.
И опоздал. Далекие пути
Меня немного сделали сутулым.

Но мне еще мерещится олень
Тот, полный силы и весенней неги,
Умеющий увидеть в зимний день
Сквозь белый снег зеленые побеги...

* * *

Когда б вершин я видел белизну
И только багровение кизила,
И тем бы был богат. Но как светила
Луна, как птицы славили весну!

А чистый голос твой из тишины,
А руки, встретившие на пороге!
Я забывал с тобой мои тревоги,
Всю боль и все мучительные сны.

Весна, как раньше, птицу выпускает,
Белеют горы вновь из темноты,
И женщина опять меня ласкает...
Земля моя, о как прекрасна ты!

* * *

Рассвет возвещал мне рождение дня,
Снега на вершине белели,
В Чегеме дожди омывали меня,
И реки без устали пели.

На этой земле, где немало красот,
Я знал твои тонкие руки,
Глаза твои видел — и плавился лед,
И таяла горечь разлуки.

Ни с утренним солнцем тебя не сравню,
Ни с дальней холодной звездой,
Я доброму лишь поклоняюсь огню,
Живущему рядом со мною.

Ты вовсе не ангел: стираешь белье,
Колдуешь над хлебом и пищей,
Ты — женщина, вот оно — имя твое,
И лучшее имя не сыщешь.

От дома вдали, на чужой стороне
С улыбкой тебя вспоминаю,
Ты вместе с Чегемом мне снишься во сне,
Как первая радость земная!..

* * *

То, что мы живем, что вместе оба,
То, что мы идем с тобой бок о бок,

То, что ясным днем глядим на небо,
Воду пьем, ломаем корку хлеба,

То, что радуемся лету снова,
Что сказать друг другу можем слово,

Что есть дом у нас, пусть не хоромы,
Что не слепы мы с тобой, не хромы,

Что здоровы дети — слава богу! —
Что скрипим на свете понемногу,

Что наш день то холоден, то жарок,—
Ты прими все это как подарок!..

* * *

Ты — женщина, и может быть,
Твое бессилье — это сила,
Мне помогавшая забыть
Все черное, что в жизни было.

И потому, что мы вдвоем
Живем бок о бок в мире этом,
Я — луг, напоенный дождем,
Я — поле, залитое светом.

Ты светом своего добра
Мой озаряла путь порою.
И если я и впрямь гора,
То ты — рассвет над той горою.

* * *

Мы по дороге давней ранней ранью
Идем с тобой, как в прежние года,
И зеленеют травы, как тогда,
И снова кажется, что никогда
И нам с тобой не будет увяданья.

Как прежде, небо чисто и светло,
Легко журчанье ручейков несметных,
Хоть с той поры так много лет прошло,
В ручьях воды немало утекло,
Но это нам с тобою незаметно.

Слова любви повторены сто раз,
Но кажется, что я шепчу сейчас:
Тому вовек не будет оскуденья,
Как и всему тому, что видит глаз,
Всему тому, что окружает нас,—
Вершинам, деревьям, тропам оленьим.

Я помню время давнею весной,
То время, что уже не возвратится,
Когда, сочась сквозь крону, свет дневной
Ложился нам на молодые лица.

Я знаю, ничему не суждено
Ни возвратиться вновь, ни повториться,
Но кажется: поют все те же птицы,
Что пели и тогда, давным-давно.

Я кланяюсь тем склонам и лесам,
Где я брожу и где бродил когда-то,
Где снова слышу прежний птичий гам,
А прочее минуло без возврата.

Была ты озарением моим
И вдалеке и под родною крышей,
Я отовсюду приходил живым
Не потому ль, что голос твой я слышал?

Ты столько вынесла, что неспроста
И знойным летом, и зимой холодной,
Вблизи, и вдалеке, и где угодно
Терпение твое и чистота
Служили мне звездой путеводной.

Хотя идем мы рядом столько дней,
Но до сих пор я мучусь и робею,
Неся повсюду боль любви твоей,
Отягощенную виной моею.

Я у тебя прощенья не просил,
Но ты всегда прощать меня умела
За то недоброе, что я свершил,
За то хорошее, что я не сделал.

От слов твоих и благодарных слез
В пути казалась мне все эти годы
Чуть легче кладь, которую я нес,
Чуть легче наши беды и невзгоды.

* * *

Милая моя, совсем не страшно,
Что кругом зима белым-бела,
Дом наш греет жар еще вчерашний
От огня, который ты зажгла.

Спи под нашей городской сенью,
Позабыв про все свои дела,
Сладко спи, как некогда в селенье
Мать спала и бабушка спала.

Сладко спи под теплым одеялом,
Позабудь, что на дворе зима,
Что весь край в наряде небывалом —
Улицы, деревья и дома.

Пусть тебе, родная, сладко спится,
Нет забот и бед, когда ты спишь,
Спи спокойно, так же, как ложится
Белый снег на скаты белых крыш.

Сладкий сон — нам лучшая награда,
Спи, моя любимая жена,
В эту ночь, во время снегопада,
И тебе приснится пусть весна!..

Я уподоблял тебя луне,
Со звездою сравнивал, бывало,
Ну, а ты обед варила мне,
Шла на рынок, огород копала.

Ты, не разгибавшая спины,
Моя пол или белье стирая,
В час ночной не видела звезды
Той, с которой сравнивал тебя я.

И теперь, уже немолодой,
Знающий, сколь все сравненья зыбки,
Все ж сравню, не убоюсь ошибки,
Я тебя с луной и со звездой.

Ибо больше, чем за двадцать лет,
Тех, что ты была моей женою,
Ты на жизнь мою бросала свет,
На листы, исписанные мною.

Женщина, что хлебы мне пекла,
Суп варила и белье стирала,
Ты моею с самого начала
И луною и звездой была.

* * *

И я кому-то был на свете мил,
За мною шли красавицы, бывало.
Я жил на свете, их боготворил,
Разумных слов не слушая нимало.

Я жил на свете, мне порой везло,
Немало было в жизни дней счастливых.
Я стал стареть. Как это тяжело,
Когда так много девушек красивых!

Из них любил я в жизни не одну,
Горел я, песни пел, хоть постепенно
Я стал стареть, я был всегда в плену.
Освободиться тяжело из плена!

Что было близко, стало далеко,
Зима длиннее, и короче лето.
Как тяжело стареть, как нелегко
Знать, что другие замечают это!..

Судьба, прошу, не пожалей добра,
Терпима будь, а значит, будь добра,
Храни ее и под своей рукою
Дай счастье ей, а значит, дай покоя
Той женщине, которую люблю.

Дай знать ей, где друзья, а где враги,
И от морщин ее убереги,
Не дай пресытиться любимым делом,
Не дай отяжелеть душой и телом
Той женщине, которую люблю.

Обереги от порчи, от изъяна
Рук красоту ее и легкость стана,
Обереги ее от всякой боли,
От старости храни как можно доле
Ту женщину, которую люблю.

Из всех щедрот, из всех невзгод земли
Добро приблизь, все злое отдали.
Дай силы и возможность без предела
Жить подобру, благое делать дело
Той женщине, которую люблю.

Пусть будет наш остаток — путь недалгий
Не столько долгий, сколько беспечальный,
Ты сбереги тепло огня и крова,
Любовь мою до часа рокового
К той женщине, которую люблю.

Не приведи, судьба, на склоне дней
Ей пережить родных своих детей.
И если бед не избежать на свете,
Пошли их мне, не ей самой, не детям
Той женщины, которую люблю.

Дорогая, вслушайся сама,
Не кукушка ли кукует снова
То ли из-за дальнего холма,
То ль из детства нашего бывшего?..

Милая, прислушайся сама,
Кукованье нам доносит ветер.
Рада птица, что прошла зима,
Что тепло и нам и нашим детям.

Нет, она кукует не о том,
Сколько нам прожить еще на свете,
Но о том, что ныне солнце светит,
Что бы с нами ни было потом.

Знаю: птица счастлива сейчас,
Потому что луг зарос цветами,
Потому что синева над нами
И оттуда солнце греет нас.

Издали слышится опять
Птичье кукованье, как бывало.

Сколько тех «ку-ку» — зачем считать?
Сколько птица б ни науковала,
Все равно покажется, что мало,
Потому что в мире благодать!..

КУКУШКА

Ты слышишь? — кукушка кукует на склоне,
Где высится древняя зелень чинар.
Столетье былое, не знаю какое,
Взывает ее кукованием к нам.

Притихли деревья, дороги и камни,
Как мы — меж деревьев, дорог и камней.
Не ей, исчисляющей время веками,
Судить о числе наших лет или дней.

К тебе я скачу, я измучен и молод,
Прищурился глаз, углядевший меня,
Но я доскачу к тебе, если помогут
Удача судьбы и отвага коня.

От ран изнемогший, к ногам твоим рухну,
Открою глаза и увижусь с тобой.
О, как ты умеешь протягивать руку,
Врачуя несчастье, усталость и боль!

Так было, иль будет, иль попросту мнится.
Блаженно приемлют любовь облаков
Деревья горы. И прилежная птица
Кукует, сбиваясь со счета веков.

Ты слышишь? — кукушка слагает два слога,
Земле возвращая покой тишины.
Заворожены ею заросли склона,
Чинары, и травы, и реки, и мы.

З. Б.

«На Бичесынской стороне темно,
В Баксане снег идет не утихая»,—
Поет мне женщина из Карачая
Ту песню, что я знал давным-давно.

«На Бичесынской стороне темно»,—
Поет красавица из Карачая,
В который раз все то напоминая,
Что пережить мне было суждено.

«Темно на Бичесынской стороне»,—
Поет красавица из Карачая,
Мои бывшие раны обнажая,
Забуть быстрое не давая мне.

Не эту ль песню слышал я тогда?
А нынче женщина из Карачая
Поет ее печально, возвращая
То, что ушло, казалось, навсегда.

От этих полупозабывших слов
Я вспоминаю степи и метели,

Мой скудный хлеб и мой холодный кров,
Огонь в печи, горящий еле-еле.

Пой, женщина, своди меня с ума,
Буди недобрые воспоминанья,
И пусть хоть в песне той пройдет зима
И от охотников спасутся лани!

«На Бичесынской стороне темно!» —
Пой мне, красавица из Қарачая,
А то я стал черствее, забывая
Все, что уже прошло давным-давно.

СТРОКИ, СКАЗАННЫЕ ЖЕНЩИНЕ

1

Ты приходишь вечером весенним,
И с тобою входит в дом весна,
И опять земля одарена
Запахом цветов и птичьим пеньем.

И когда я на тебя смотрю,
Подходя к тебе все ближе, ближе,
Кажется, я пред собою вижу
Белые вершины и зарю.

Далеко в предгорьях тает снег,
Зацветают вишни белым цветом,
Будто бы зиме не быть вовек...
Впрочем, мы не думаем об этом.

Кажется, на свете нету бед,
Все цветет от края и до края.
Говорю: «Тебя красивей нет!»
Ты мне улыбаешься в ответ,
За любовь меня вознаграждая.

2

Ты домой приходишь летним днем,
И давно обещанное лето
С вечным признаком тепла и света
За тобою следом входит в дом.

Никнет злак под тяжестью зерна,
Зреет плод, и солнцем даль согрета,
Красота твоя одарена
И озарена покоем лета.

Слились, кажется, сейчас в одно
Красота твоя и лета зрелость,
И поется птицам, как давно
Или вовсе никогда не пелось,
Кажется, что все завершено,
Что природе завершить хотелось.

Сколько в мире света и тепла!
И блаженно, может быть, некстати
С наших губ срывается хвала
Щедрости земной и благодати!

3

Снова со двора тыходишь в дом.
Снова без какой-либо корысти
Полыхает осень за окном —
Время красных роз и желтых листьев.

Слышно, как вдали течет, кротка,
Ставши и спокойнее и глуше,

Умиротворенная река
После паводков и летней суши.

После всех забот и всех трудов,
После наших трудных лет и весен
Ты глядишь на золотую осень —
Время сбора хлеба и плодов.

Пусть приходят и уходят сроки,
Но не все увянет, и опять
В небесах любви, всегда высоких,
Все же будут ласточки летать.

4

Ты домой приходишь зимним днем,
Будто бы с собой приносишь заметь.
Пусть зимой мы холодеем сами,
Все-таки я думаю о том,
Что не стали хуже мы с годами.

Мне напоминают до сих пор
(Будто бы мы встретились впервые)
Темные глаза твои большие
Большеглазых ланей наших гор.

За окном все бело от снегов,
Ветры все порывистей и злее,
Но от взгляда твоего и слов
Мир вокруг становится теплее.

И хоть за окном густеет тьма,
Все же кажется мне, как бывало:
За зимую вслед придет весна
И опять начнется все сначала!..

ГОВОРЮ ЖЕНЩИНЕ

1

В чужой стране и звезды-то чужие.
На них ты поднимала звезды глаз.
И — снова расстояния большие
Немилосердно разделяли нас.

И, возвращаясь к отчему порогу,
К горам — моей любви, моей судьбе,
Я думал о тебе. Я всю дорогу
О чем ни думал — думал о тебе.

И, хоть у гор тебя мне не хватало,
Теплел я сердцем у вершин моих,
Как ты! Откуда б ты ни прилетала —
Счастливой становилась, видя их!

Родные горы осеняют взоры,
В сердца вселяют нежность и добро.
Ни на какие на золотые горы
Мы наших гор не сменим серебро.

Весной веселой и зимой угрюмой
Я думаю о вас всегда, любя,

Я обнимаю вас одною думой:
Тебя и горы, горы и тебя!..

Здесь все, как было искони, от века,
Как ты, я убеждаюсь каждый раз,
Что вечною папахою Казбека
Могучий горец осенен — Кавказ.

Чинары зелены, и небо сине,
И родники живительны. Всегда
Ты, женщина, и в чуждой мне пустыне,
Над горными отрогами — звезда!

2

А в Индии январь — скорее брат
Июлю или августу в горах.
Летела ты тогда в Аллахабад,
Я клял жару делийскую в сердцах

И думал: как прекрасно, что пути
Свели нас вновь. Я счастлив был, поверь!
Воистину, судьбы не обойти:
В иные дни ты мне открыла дверь!

«Счастливого пути!..» — я произнес,
Отлет прощальным взмахом осеня,
И белый лебедь — самолет — унес
Тебя и на чужбине от меня.

Девчушка ль рядом поправляла бант
Иль старость рядом заняла места,
Но были твои спутники — талант,
И молодость твоя, и красота!

Стал без тебя вдруг холоден как лед
Делийский воздух, что от зноя сед.
«Пусть отовсюду будет твой прилет
Всегда счастливым!» — я шептал вослед.

От лайнера на небе ни следа —
Он смог тебя так быстро унести!..
Шепчу: «Пусть только белая всегда
Садится птица на твоём пути!..»

3

У вечера в горах так много черт,
Напомнивших мне вечер тот вдали.
В тот вечер шел в Бомбее твой концерт.
Там вновь дороги наши нас свели.

Там море Аравийское, как вол,
Устало отдыхало у песка.
Я зал, где выступала ты, нашёл:
Мой труд был мал, а радость — велика.

Ах, звезды неба Индии, светлы
Вы, как надежды! Светите, маня,
Как будто вдруг из расстояний мглы
Созвездья гор взглянули на меня.

Ночь опустилась тихо, не спеша.
Бомбей, и ночь, и ты — вдали от гор!
И счастлива тобой была душа,
И лицезреть тебя был счастлив взор!

И я на том ловлю себя опять,
Что не могу преодолеть тоску

По ночи той, о коей вновь сказать
Так сладостно сегодня языку.

О свет твоей души, о рук талант!
Они, что для других сердец живут,
Казалось, счастье дивное хранят:
Голодным — хлеб, бездомным — дать приют!

В индийском небе, горская звезда,
Затмить собой все звезды ты смогла.
И снова затмеваешь, как тогда,
В ту ночь, когда в Бомбее ты была!

4

О том, что ты прекраснее на свете
Всего и всех, о женщина, в веках
Звучит издревле в песне и в сонете —
В бессмертных и божественных стихах.

Тебе слагали сладостные гимны
Певцы, твоими пленниками став.
Достойным стать их чести помоги мне —
Слов красоту вложи в мои уста!

Быть может, на веку и мне достанет
Сказать звучаньем песенной струны:
«Посмотришь, женщина, — трава воспрянет,
Возникнут листья, солнцем сожжены!..»

...Бомбей, в тот вечер слушая Шопена,
Впрямь на руках носить тебя был рад.
И вся была в цветах, как в звездах, сцена,
И всю тебя венчал наряд гирлянд!

А далеко-далеко, где просторы
Уперлись в синь, видны сквозь даль и дни,
Как музыка, возвышенные горы —
Вершины вечно музыке сродни!

Там — наша Родина. Здесь — заграница.
Но мне тебя явил Бомбей ночной.
И радости дарованная птица,
Как музыка, все кружит надо мной!

ГОВОРЮ ЛЕЙЛЕ В ЧЕГЕМЕ

1

О Лейла, о звезда этих гор, этих скал!
Слава часу, когда я тебя увидал.

Ты в чегемских горах, как светильник, светила,
И в глазах у тебя их краса отразилась,

И снега ледников, и высокие ели,
Что синели в тени, а на солнце белели,

Отразились луга с полевыми цветами,
Берега и река, где течение да камень,

Где воли совершали обряд водопойный
И спокойно склонялись к воде беспокойной.

К нам во двор ты, Лейла, приходила, бывало,
Там, где мать со светла огород свой копала.

И когда с сенокоса она возвращалась,
Ты встречала ее и, как дочь, улыбалась.

Громыхала война, были длинными очень
Те тревожные дни и холодные ночи.

О Лейла, ты чегемской водой умывалась,
И казалось, несчастье тебя не касалось.

И казалось: тревога людей и беда,
Их дорога тебя не вела никуда.

Ты в ту пору цвела как звезда, ты сияла,
Словно птица, всегда ты, Лейла, щебетала.

2

О тебе вспоминал я и думаю ныне,
О Лейла, ты росла, как чинара в долине,

Ты росла, как цветок, пощаженный рекою,
И дождем, и огнем, и недоброй рукою.

Ты покоем была на земле неспокойной,
Где бывают, Лейла, и изгнанья и войны,

На земле, где, я знаю, не все быстротечно,
Где земная краса преходяща, но вечна.

Из возможных красот всех прекрасней от века
Та одна, что дана дочерям человека.

И без той красоты в этом мире огромном
Был бы каждый из нас и слепым и бездомным.

Без нее бы земля не была бы землею,
Как весной без дождя и без снега зимою.

Без нее бы на свете, наверно, ни разу
Слово «я» и «люблю» не сложились во фразу.

Может статься, на свете и это бывало,
Что земных дочерей красота исчезала.

И кругом становилось все мрачно и серо,
И царила тогда ледниковая эра.

О Лейла, ты была красотой земною,
Озарявшею даль, что цвела предо мною.

Ты была самым светлым и теплым лучом,
Вспышкой света, померкшего где-то потом.

3

Сказкой с первого дня ты была для меня
Той, что мать занимала детей у огня.

Как вначале, тот день не забыть мне и ныне,
Мы стояли, белели снега на вершине,

И река громыхала, быстра, небела,
Жизнь твоя и моя после так же текла.

И, мерцая на небе ночном то и дело,
Так горела звезда, как потом не горела.

После были печали и горести были,
Пули грудь мне пронзали, а все ж не убили.

И в военные дни из военной больницы
Мне случилось в родные края возвратиться.

Был таким же мой край — все, что часто мне снилось,
И Чегем, и Адай... Только ты изменилась.

Ты красивее стала, чем прежде, вначале,
Озаренная болью всеобщей печали.

Было наше селенье разбито войною
И украшено только твоей красотой.

Ты в ту пору цвела, и цветение было
Сходно с первым весенним цветеньем кизила.

Только цвет твоих губ и тогда походил
На созревший в осеннюю пору кизил.

И твой голос, звучавший добрее свирели,
Слышу я и сейчас, хоть года пролетели.

И с тоскою неверья, прищуривши веки,
Прошептал я: «Такою останься вовеки!»

Ничего, что потом заклинанье не сбылось,
Ты такую в сознание моем сохранилась...

4

В край свой отчий пришел я, судьбой сбереженный,
И родных не нашел на земле разоренной.

Я увидел руины, погост по соседству,
Небо синее, то, что запомнил я с детства.

И дороги под гору, где ездил, бывало,
Через камень которых трава прорастала.

Ты, Лейла, в том краю, что дышал заустеньем,
Мне опорой была и была утешеньем.

И хоть звук твоих слов, что так сладко звучали,
Не расплавил снегов вековой печали,

Но участие твое мне тогда облегчило
То снести, что снести не по силам мне было.

Свет лица твоего — свет родимого края —
Грел мне сердце, тревоги мои умеряя.

И слова, что звучали легко и желанно,
Исцеляли мои незажившие раны.

Я к руинам родным со своею бедою
Возвратился живым, пощаженным судьбою.

Не холодные дни и не темные ночи
То свершили, что видеть пришлось мне воочью.

Все, что было со мной: и несчастье и милость —
Все по воле людской на земле совершилось.

Если люди одни рану мне наносили,
То другие в те дни эту рану целили.

Порождаются люди планетой одною,
Чтоб и целить в меня, и рыдать надо мною.

Нас и злом и добром этот мир одаряет,
Но во мраке ночном все ж цветы расцветают.

Пепел тщится всю землю засыпать собою,
Но травинке сквозь пепел пробиться весною,

И ручьи, замутненные мрачной бедою,
Нас обрадуют снова прозрачной водою.

И опять потекут между пашней и лугом,
Пререкаясь по-свойски о чем-то друг с другом.

Шел я вместе с людьми, разделяя их долю.
Принял я и печалей и радостей вволю.

Что познали соседи мои и родня,
То и я испытал. Не жалейте меня!..

5

Взяв перо, зарекался я снова и снова,
Обойтись я пытался без горького слова.

Но когда я писал эти горькие строки,
О Лейла, нарушал я свои же зароки.

Ты прости мне и это мое прегрешенье:
Боль приходит, у нас не спросив разрешенья.

Может, не по-хорошему все получилось:
Боль пришла и непрошено в строчки вселилась.

Боль, как нищенка ночью, бездомной осталась
И тихонько и скромно в мой дом постучалась.

Словно ночью тревожной ей некуда деться,
Словно в строчках моих ей и можно согреться.

Я хотел ее гнать, я сказал ей: «Довольно,
Мне и так, без такой постоялицы, больно!»

Но прогнать постоялицу эту попробуй:
Боль и радость — две странницы ходят бок о бок.

И, рожденный для песен счастливых, не скрою,
Слишком горькие песни слагал я порою.

Мне счастливо играть бы на белой свирели,
Но фальшиво звучали бы светлые трели.

Я свирель эту в угол откладывал дальний,
И играл я на черной свирели печальной.

О Лейла, наших горестей черную свору
Мы с тобою не звали на белую гору.

Черных птиц мы к зеленым садам не скликали,
Их не ждали, но сами они прилетали.

Стаей целой в садах эти птицы гнездились
И над белой моею страницей кружились.

Что поделатъ, Лейла, не в моей это воле —
Строки песен слагать и не чувствовать боли.

Я и сам ведь мечтал, чтобы радость с начала
И до точки последней мой труд освещала.

Мне писать бы про небо всегда голубое
И о том, как сияет звезда над тобою,

Мне бы слышать все время твой голос певучий,
И в Чегеме мне видеть бы солнце над тучей,

Песни петь бы о радости светлой моей,
То, о чем и мечтал я с мальчишеских дней.

Как мечтал не грешить я напевом печальным,
День встречая улыбкой и словом похвальным!

Я мечтал, чтобы люди рождались в тепле,
Все чтоб целы остались дома на земле.

Но не мы виноваты, Лейла, что порою
Черный ветер витает над черной горою,

Что гора черновата, хоть белой была,
Разве мы виноваты с тобою, Лейла?

Но тебя я, Лейла, от печали укрою,
Ветер белый подует над белой горою.

Ибо в мире, где племя людское живет,
Все же радость порою сильнее невзгод.

ВЕЧЕРНЯЯ ЗВЕЗДА

Алиму Теппееву

1

Мне легенду старую случилось
Услыхать от друга в час, когда
В небе Темирес-Қале светилась
Эта одинокая звезда.

И до сей поры меня тревожат
Те услышанные мной слова
В час, когда в долине дерева
На вечерних путников похожи.

На родном балкарском языке
Эту сказку слышал я когда-то,
И звезда горела вдалеке,
Речка пела, прыгая по скатам.

На рассказчиков богаты горы,
И должник их вечный, я сейчас,
Как запомнился он мне в ту пору,
Расскажу услышанный рассказ.

Молодой охотник в путь привычный
 Уходил и матери своей
 Говорил: воротится с добычей,
 Может, только через сорок дней.

Он ушел и запропал в дороге,
 А в родном его селенье мать
 Сорок дней в заботе и тревоге
 Все ждала и продолжала ждать.

Время шло, верней, оно летело,
 Как степной табун — во весь опор.
 Мать ждала, молилась и глядела
 На дорогу, что спускалась с гор.

Сорок дней вымаливала милость
 Старая горянка у Тейри¹,
 Обратясь к нему, она молилась
 В полуночный час и в час зари.

Сына мать ждала в своей печали
 Сорок дней и столько же недель,
 Осенью чинары облетали,
 И звенела по весне капель.

Сына мать ждала, ждала напрасно,
 Он не появлялся. Так звезда,

---

¹ Тейри — верховное божество балкарцев их языческого периода.

Что однажды в небесах погасла,
Снова не мерцает никогда.

Мать надеялась на божью милость,
Огород копала, хлеб пекла,
Тихо плакала, ждала, молилась.
Большого она и не могла.

Пролетело над землей поспешно
Сорок лет — не то что сорок дней,
И свеча в доме осиротевшем
Все тусклой горела и грустней.

4

И однажды мать, поняв, наверно,
Что осталось жить ей до зари,
В ночь последнюю, молясь усердно,
Обратилась к строгому Тейри.

Старая, она сказала богу:
«Сын мой не вернется никогда,
Потому что на его дорогу
Не светила ни одна звезда.

О Тейри, о милости безмерной
Я прошу пред тем, как мне уйти:
Пусть сынок мой, став звездой вечерней,
Озарит охотничьи пути.

Чтобы старость не была тоскливой
Матерей других в родном краю,
Чтоб не испытать им сиротливой
Участи, похожей на мою,

Мой сынок, никем не погребенный,
Станет пусть звездой земли родной,
Чтоб охотник, светом озаренный,
Находил дорогу в час ночной,

Чтобы после позднего заката
Сын мой озарял бы всякий раз
Камень, где сидела я когда-то,
Под который лягу я сейчас.

Сын мой, став звездою, среди ночи
Озаряет пусть в кромешной мгле
Огород наш старый, дом свой отчий —
Все, что он оставил на земле.

Пусть мой сын, исчезнувший однажды,
Отвращает всякую беду,
Пусть любой охотник, путник каждый
Путь находит, видя ту звезду!»

5

И случилось все, как мать просила,
Сын ее пропавший стал звездой,
Что мерцает над землей родной
И над материнскою могилой.

Люди в нашем крае не напрасно
Ту звезду, светящую вдали,
Сердцем Сына Матери Несчастной
С той поры далекой нарекли.

И ее мы по примете верной
Отличаем от звезды иной:

Та звезда восходит в час вечерний,
Та звезда не меркнет в час ночной.

И в легенду, ложную, быть может,
О звезде, горящей в поздний час,
Верят многие в краю у нас,
Я, признаться честно, верю тоже.

6

Тянутся машины вереницей.
И хоть стал шумлив мой край родной,
Птицы сказок, эти чудо-птицы,
Все-таки летают надо мной.

Я всегда по мере силы славил
Каждого из тех, кто в старину
На родном наречье хоть одну
Сказку сочинил и нам оставил.

Потому, что эта сказка может
В час беды кому-нибудь помочь.
Люди, вам придумать сказку тоже
Я мечтаю, мне бы только смочь.

Я, как сказочник, твержу упорно:
«Та гора, что испокон бела,
Верьте, никогда не станет черной,
И добро всегда сильнее зла».

7

О звезда былых моих почей,
Озаряющая наши скалы,

Сидя рядом с матерью моей,
На тебя и я глядел, бывало.

Часто в час беды, судьбу кляня,
Мать моя к твоей взывала власти,
Чтоб ты отстранила от меня
Всякие возможные несчастья,

Чтобы ты все беды отвела,
Мать молила, возвращаясь с поля,
Веря, что твоей послушны воле
Все причуды и добра и зла.

И в последний час, уже в бреду,
Чувствуя, что иссякает сила,
Все о том же мать моя просила
Эту одинокую звезду.

8

Я и сам, когда была война,
На тебя молился не однажды,
Будто правда ты могла одна
Оградить меня от пули каждой.

Все-таки, израненный войной,
Я лежал — земли жилец неверный,
Ты тогда светила надо мной
В облике сестрицы милосердной.

Хоть минули годы, все равно,
На пирушке или же в больнице,
Где бы ни был, я смотрю в окно,
Потому что там твой свет струится.

И моей надежде никогда,
Если светишь ты, не быть напрасной,
О моя счастливая звезда —
Сердце Сына Матери Несчастной!..

РАДОСТЬ — ЗОЛОТАЯ ПТИЦА

1

Жизнь, своих не жалея щедрот,
Всем по-братски делилась со мною,
Соль я пробовал, пробовал мед,
Были волки ночью порою.

В годы мира и в годы войны
Без труда я не сделал и шага,
Но, светлы были дни иль темны,
Жизнь всегда почитал я за благо.

Было счастье, была и беда,
Все случалось и всяко бывало,
День мне солнце дарил не всегда,
Ночь всегда темнотой одаряла.

Словно мама когда-то давно
Пела радость, склоняясь надо мною,
Но как матери не суждено,
Так и радости жить не дано
С нами вечно под крышей одною.

Все ж удаче назначен свой час,
Неудаче тот час неподвластен.

Жизнь проходит, и каждый из нас —
Поле боя несчастья со счастьем.

Ветер радости вешней порой
Веет снова над белой горой,
У подножья горы и на склонах
Шелестит молодой травой
И теряется в ветках зеленых.

Но порою и ветер невзгод
Пролетает над краем родимым,
Он недобрые вести несет,
Нас пугает и громом и дымом.

Всем хватает удач и невзгод,
Жизнь щедра, и поэтому рядом
С алычюю, побитою градом,
Алым цветом шиповник цветет...

2

Мама, мама, порой предо мною
Расступается времени дым,
И я вижу тебя молодойю,
Озаренною утром моим.

Но я помню и горе, что было,
Помню щеки в морщинах, когда
От всего, чем жила и любила,
Уходила ты вдаль навсегда.

И гадюку и ласточку равно
Солнце греет непасмурным днем,

Смерть порою является в дом
Тот, где свадьбу играли недавно.

И, проживши на свете сто лет,
Гулко рухнет чинара когда-то,
И, ее стародавний сосед,
Затоскует валун ноздреватый.

И когда возвратятся весной
В горный край перелетные птицы,
Не найти им чинары родной,
Где с рожденья привыкли гнездиться.

Жить бы дереву, жить бы и жить,
Прахом стать и оно не хотело,
Но не может никто преступить
Своего рокового предела.

Соль я пробовал, пробовал мед,
Пел я песни счастливой весною,
Но и беды земные мне рот,
Как песком, забивали порою...

3

Я на свет появился давно,
Много видел, со многими знался,
Смысл всего, что черно и бело,
В меру силы понять я пытался.

Я еще не забыл времена,
Когда мир сотрясала война,
И казалось, как будто бы бросил
Кто-то в землю беды семена,
Чтоб остались поля без колосьев.

Сколько лет, сколько бед до побед,
Слез и кровушки пролито много.
О мечта, о победа и свет,
Как до вас бесконечна дорога!

Что ни делаешь, все мудрено,
Без усилья надежде не сбыться,
Ведь блуждает во тьме и зерно,
Перед тем как наружу пробиться.

Но и в отблеске молнии злой,
Но и в гуле обвалов грядущих
Все же радость не стала золой —
Вот великое счастье живущих!..

И с крылом в пересохшей крови,
Над землею людей пролетая,
Радость — птица моя золотая,
Я тебя заклинаю: живи!

4

Людам после болезни всегда
Вроде кажется небо яснее,
Хлеб всегдашний намного вкуснее,
Чище воздух и слаще вода.

И знакомые издавна лица
И красивей теперь и добрей,
Золотистее в поле пшеница
И в ущелье река веселей.

И привычная улица шире,
И не страшно, что дети галдят,

Все меняется к лучшему в мире,
Хоть тебе уже за пятьдесят.

Если засуха летом сурова,
То и осенью сладостен плод,
Помню я: после боя ночного
Мне светлее казался восход.

Нет, наверно, счастливее дара,
Чем тепло очага в снегопад.
Камень, вынесший пламень пожара,
Даже малому дождику рад.

После стольких невзгод и недугов
Тех, что вынес недавно я сам,
Как в низине я радуюсь лугу,
На вершине — камням и снегам!..

Мир мне кажется полон до края
Теплотою добра и любви.
Радость, птица моя золотая,
Я тебя умоляю: живи!

5

Радость нашей работы всегдашней,
Возвращения из странствий домой,
Радость влаги, упавшей на пашни,
Радость пламени в печке зимой;

Радость нашей удачи, пусть малой,
И улыбки на милом лице,
Радость правды, пускай запоздалой,
Побеждающей все же в конце;

Радость восходов, поднявшихся к сроку,
Радость звуков, ложащихся в строку,
Радость песни, забытой давно,
Радость нашей надежды далекой
И сознания: «Ей сбыться дано!»

Радость путников, горцев усталых,
Наконец-то уснувших в тепле,
Радость наших детей годовалых,
Первый сделавших шаг по земле;

Радость всадников, скачущих в горы,
Радость склонов, поросших травой,
Радость матери старой, к которой
Сын с войны возвратился живой;

Радость свадьбы и радость рожденья,
Убежденья, сомненья, прозренья,
Радость взгляда в небесную синь,
Радость малая, нас не покинь!

И хотя ты порою слепая
И медлительная подчас,
Радость, птица моя золотая,
Осчастливь озарением нас!

6

Ворон каркает, черный и мрачный:
«Ты не радости жди, а беды,
Не бывает на свете воды,
Чтоб всегда оставалась прозрачной!»

Но летит голубок надо мною:
«Все мне в радость: рассвет и закат!»
И платан шелестит мне листвою:
«Я весеннему дождику рад!»

Ветер, с Черной горы прилетая,
Воеет в уши, меня убеждая:
«Радость — прах и жива до поры,
На селенья родимого края
Вновь обвалы сползают с горы!»

Ветер с Белой горы мне поет:
«Как я рад: овеваю я всходы».
Теплый дождик весною идет,
Говорит: «Я пою огороды!»

Воют волки: «Тебе на веку
Много крови увидеть придется».
А кукушка кукует: «Ку-ку,
Выйдет солнце, и все обойдется!»

В час рассветный поет мне вода:
«На земле разве радости мало?
Издавека теку я сюда,
Сколько всякого я повидала!»

Вот и сам я живу, как река,
Как кукушка и голубь, я знаю:
Радость нашей земли велика,
Потому я опять заклинаю:
Кто не верит, и тех убеди,
К ним сначала, не к нам ты приди,
Радость, птица моя золотая!

Волк, и Ворон, и Ветер беды,
Не единожды спорил я с вами,
Видя в стену лежащийся камень,
В поле — всходы, на ветках — плоды.

Даже видя, как край мой дымится
И как бьют журавлей на лету,
Все равно я не мог согласиться
И за вами признать правоту.

Вам не ведома радость заботы
Косаря, наметавшего стог,
Человека, что за год работы
Дом поставил и печку разжег.

Силам зла не понять никогда
Радость пашни, согретой весною,
Радость ветки, листка иль плода,
Озаряемых полной луною.

Так да здравствует радость отца,
Радость стен, где ребенок родился,
Радость тех, кто домой возвратился
Хоть под старость, в преддверье конца!

И да здравствует радость потока,
Радость рек, что вошли в берега,
Радость тех, кто, сражаясь жестоко,
Отчий край отстоял от врага!

В жизни всякую малость ценя,
Я готов умереть, повторяя:

Не оставь напоследок меня,
Радость, птица моя золотая!»

8

Радость, ты зажигаешь зарю,
В мире все благодатное — Радость,
Имя вновь я твое повторяю,
Прошепчу и почувствую сладость.

Пусть же светится взгляд твой живой —
Нет прекраснее взгляда, я знаю,
Нету хлеба вкуснее, чем твой,
Свежий запах его я вдыхаю.

К твоему роднику допусти,
Чтоб мне пить и вовек не напиться!
Без тебя ни цветку не взрасти,
Ни траве на земле, ни пшенице.

Без тебя никогда и нигде
Человеку ничем не увлечься,
В небесах не зажечься звезде,
Даже хлебу в печи не испечься.

Все на свете во власти твоей,
Наше счастье — твое сотворенье;
Все — от первых игрушек людей
До последнего их утешенья.

В жизни всем ты была для меня,
На закате моем, как вначале,
Ты мне, пешему, даришь коня
На последнем моем перевале.

Все деянья твои хороши.
Поднимая меня и спасая,
Ты крылом надо мной прошурши,
Радость — птица моя золотая!

9

Если правда чего-то я стою
В этом мире, где столько невзгод,
Быть мне, Радость, твоею пчелою,
Собирать мне по капле твой мед.

Черный ветер гудит над домами,
Воют волки и Ворон кричит,
Но и Радости птица над нами
Все ж летит и крылами шуршит.

Обеляют года нашу память,
В строки песни ложатся слова,
Летний дождик идет над полями,
И вершины покрыты снегами,—
Значит, Радость покуда жива.

На земле совершается чудо,
Устремляются птицы в полет,
Кто-то любит и песни поет,—
Значит, Радость бессмертна покуда.

Нет сумы, нет тюрьмы и невзгод,
Нет пожара и землетрясения.
Это Радость нам дарит спасенье,
Потому что на свете живет.

Радость — солнце мое и луна,
Радость — лето мое и весна,
Огражденье от ложного шага,
Может быть, ты на свете одна
Для живущих воистину благо.

И блаженством добра и любви
Мир поэтому полон до края,
Радость, птица моя золотая,
Я тебя заклинаю: живи!

СОДЕРЖАНИЕ

«Ты раскрываешь новую тетрадь...» <i>Перевел Н. Гребнев</i> . . .	7
«Всем сродни средь людей ты живешь...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	9
«Юноши, не бойтесь трудных книг...» <i>Перевел Н. Гребнев</i> . . .	11
Прислушайся к словам. <i>Перевела Б. Ахмадулина</i>	12
«Не хлопочи о славе...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	13
«С волками жить — по-волчьи выть...» <i>Перевел Н. Гребнев</i> . . .	15
«О чем я мог мечтать?..» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	16
«Поэзия жива...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	18
Говорю самому себе. <i>Перевела Б. Ахмадулина</i>	19
«Каким бы малым ни был мой народ...» <i>Перевел Н. Гребнев</i> . . .	20
«Благодарю тебя...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	23
«Я не скажу, земля моя родная...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	24
«С той чинарой другой...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	25
В городе Констанце дождь идет. <i>Перевел Н. Гребнев</i>	27
«Спасавшие меня в нелегкий день...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	29
Говорю скале в Чегеме. <i>Перевел Н. Гребнев</i>	31
Мельница. <i>Перевел Н. Гребнев</i>	33
«Стоят березы, каждая бела...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	35
«Чем твой труднее путь...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	36
«И я по молодости лет...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	38
«Снова дождь идет на радость нам...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	39
«Гора не человек...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	41
«Опять мне чья-то музыка слышна...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	42
Спокойные стихи. <i>Перевел Н. Гребнев</i>	43
«В пору детства, далекой порою...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	47
Трава и снег. <i>Перевел Н. Гребнев</i>	49
Стихи, сказанные зимой в Чегемском ущелье. <i>Перевел Н. Греб-</i> <i>нев</i>	51
Война и молитва. <i>Перевел Н. Гребнев</i>	55
«Спасибо, ночь, за то, что ты добра...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	56

«Я себя почитаю счастливым...» Перевел П. Гребнев	57
«На земле бывает так всегда...» Перевел Н. Гребнев	59
«Снег за окнами кружится...» Перевел Н. Гребнев	60
«Поэты восхваляли соловьев...» Перевел Н. Гребнев	62
Стихи, написанные в бессонную ночь. Перевел Н. Гребнев	63
Чегемский камень. Перевел Н. Гребнев	65
«Камень здесь над всем и всеми...» Перевел Н. Гребнев	66
«Больной всегда бывает одинок...» Перевел Н. Гребнев	68
Стихотворение, написанное в больнице. Перевела Б. Ахмадулина	69
«Там птица черная кружится...» Перевел Н. Гребнев	70
«Бок о бок две вершины снеговые...» Перевел Н. Гребнев	71
«Опять иду я меж деревьев старых...» Перевел Н. Гребнев	72
«Будто бы листва в дубовой роще...» Перевел Н. Гребнев	73
«Морозной ночью выпал иней...» Перевел Н. Гребнев	75
«Январские снега и зелень мая...» Перевел Н. Гребнев	76
Стихи, в которых нет ничего нового. Перевел Я. Аким	77
Говорю Омару Хайяму. Перевел Я. Аким	79
«В саду не осталось деревьев...» Перевел Я. Аким	81
«От смерти стихи не спасут меня, нет...» Перевел Я. Аким	82
«В гнездо я вернулся...» Перевел Я. Аким	83
«От потерь и утрат уставая, живу...» Перевел Я. Аким	84
«Как путник бредущий, я звезды любил...» Перевел Я. Аким	85
«Гор этих в мире роднее нет...» Перевел Я. Аким	87
Чокка. Перевела Б. Ахмадулина	88
Памяти А. Т. Твардовского. Перевел Я. Аким	90
«...А был он просто мой сосед...» Перевел Я. Аким	91
«Горы, как прежде, белы и сияют вдали...» Перевел Я. Аким	92
Высокие деревья. Перевел Я. Аким	93
«Я — человек среди людей...» Перевел Н. Гребнев	95
Стихи, написанные по пути из Польши. Перевел Н. Гребнев	98
«И река, наверно, тоже...» Перевел Н. Гребнев	101
«Вы взрастили для меня зерно...» Перевел Н. Гребнев	103
«Камень — мера стойкости вовек...» Перевел Н. Гребнев	105
«Старик, взрастивший сад трудом своим...» Перевел Н. Гребнев	106

Веселые люди. <i>Перевела Б. Ахмадулина</i>	107
«Как много в городе людей!..» <i>Перевела Б. Ахмадулина</i>	109
«Деревья, вы — братья мои...» <i>Перевела Б. Ахмадулина</i>	111
Половецкая луна. <i>Перевел М. Дудин</i>	112
«Рассвет пришел, как первый день творенья...» <i>Перевел М. Дудин</i>	120
«О, этот танец! Этот поединок...» <i>Перевел М. Дудин</i>	122
«Я многих на милой земле любил...» <i>Перевел М. Дудин</i>	123
«Звенели день-деньской, весь день кружились птицы...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	125
«Опять настал рассвет...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	126
«Тот ветер, что трепал коня густую гриву...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	127
«Без заблуждений путь никто пройти не может...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	128
«Я всюду побывал...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	129
«Я говорю о том...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	130
«Как соловьи поют!..» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	131
«От дорогих вершин...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	132
«Я жил среди людей...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	133
«Нет, я не утверждал...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	134
«Ложится на меня деревьев тень...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	135
«Пел в роще соловей...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	136
«И те, кто жил до нас...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	137
«В былые времена ты шел...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	138
«Как в дальние года...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	139
«Вокруг покой и тишь...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	140
«Весенняя пора...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	141
«Наш скуден путь земной...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	142
«Мы в мире...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	143
«Природою гора сотворена едва ли...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	144
«Та птица, что летит...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	145
«Ты, Мудрость, вникни в суть...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	146
«Я был и нет меня...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	147
Лунный свет. <i>Перевела Б. Ахмадулина</i>	148

Мы слушали музыку. <i>Перевела Б. Ахмадулина</i>	149
Белизна зимней ночи. <i>Перевела Б. Ахмадулина</i>	150
Дворик моей матери. <i>Перевела Б. Ахмадулина</i>	151
Тишина. <i>Перевела Б. Ахмадулина</i>	153
Сон зимней ночью. <i>Перевела Б. Ахмадулина</i>	155
Говорю с чинарой и колосьями. <i>Перевела Б. Ахмадулина</i>	156
Зима пришла. <i>Перевела Б. Ахмадулина</i>	157
Вечер в горах. <i>Перевела Б. Ахмадулина</i>	159
Говорю в пути. <i>Перевела Б. Ахмадулина</i>	161
Говорю одинокому дереву. <i>Перевела Б. Ахмадулина</i>	162
Волы под дождем. <i>Перевела Б. Ахмадулина</i>	163
Колыбельная тени дерева. <i>Перевела Б. Ахмадулина</i>	164
Песни старого ашуга. <i>Перевел Н. Гребнев</i>	167
Песни слепого ашуга. <i>Перевел Н. Гребнев</i>	172
Снова Марике Чиковани. <i>Перевел Н. Гребнев</i>	177
«— В мире что всего белее?..» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	179
«Выпал снег, пушист и бел...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	180
«Счастлив тот человек, что поет...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	181
«Как теперь себя я самого...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	182
«Со своей старухой горец старый...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	184
Говорю весной старому чинару. <i>Перевел Н. Гребнев</i>	186
«Быть может, в жизни праведной твоей...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	188
«Немного я знаю и сейчас...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	189
«Поможет мне мой спутник...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	190
Пейзаж с мулом. <i>Перевел Н. Гребнев</i>	191
«Мало жили, много пережили!..» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	193
«Только если мать ее качает...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	195
«Колыбельную песню слагал я горам...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	196
«И абрикос в саду цветет опять...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	197
«Безмолвный камень ничего плохого...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	198
«Порой и я сникаю, загрустив...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	199
Море. <i>Перевел Н. Гребнев</i>	201
Горцы-крестьяне. <i>Перевел Н. Гребнев</i>	208
«Меня схороните у скал...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	210

«Мула погонял когда-то...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	212
«Вы не плачьте в день моей кончины...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	215
«Быть может, ветерок с высоких гор...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	217
Письмо к Расулу Гамзатову. <i>Перевела Б. Ахмадулина</i>	218
«Луна над домами...» <i>Перевела Б. Ахмадулина</i>	220
«Сказали мне люди...» <i>Перевела Б. Ахмадулина</i>	222
«Что бы ни делалось на свете...» <i>Перевела Б. Ахмадулина</i>	223
Летние строфы. <i>Перевел Н. Гребнев</i>	224
«Когда в тебе самом...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	226
«Душою не криви...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	228
«Как ловко, мальчик, камень ты кидаешь...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	230
Легкая песенка. <i>Перевел Н. Гребнев</i>	232
Песня решимости. <i>Перевел Н. Гребнев</i>	233
«Рассвет на скалах — розовый олень!..» <i>Перевел Д. Долинский</i>	235
Пейзаж с мельницей. <i>Перевел Д. Долинский</i>	236
«Если мельник уснет — все равно...» <i>Перевел Д. Долинский</i>	238
«Птица, в небо уходя, пост...» <i>Перевел Д. Долинский</i>	239
«— Дерево, плоды свои и тень...» <i>Перевел Д. Долинский</i>	241
«Вол устает плестись, а конь скакать...» <i>Перевел Д. Долинский</i>	242
«Голову уткнув тебе в колени...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	243
«Я на огонь гляжу и верю...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	245
Ираклию Абашидзе. <i>Перевел Д. Долинский</i>	247
«Наклевавшись чистого зерна...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	249
«Ясен день, и в мире благодать...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	251
Молния в горах. <i>Перевел Н. Гребнев</i>	252
«Жизнь живущего — только мгновенье...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	254
«К множеству иных грехов моих...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	256
Ели зимой в городе. <i>Перевел Н. Гребнев</i>	258
Песня мальчика, поливающего сад. <i>Перевел Н. Гребнев</i>	259
Зульфийи. <i>Перевел Н. Гребнев</i>	261
Послание грузинским женщинам. <i>Перевел Н. Гребнев</i>	263
«Женщины, я ль не страдал от вас...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	265
«Иной из нас бывает окрылен...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	267
«Все в жизни испытал...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	269

Женщинам, которых я любил. <i>Перевел Я. Аким</i>	272
Женщинам, которые любили меня. <i>Перевел Н. Гребнев</i>	274
«Олень зарю пронесит на рогах...» <i>Перевел М. Дудин</i>	276
«Когда б вершин я видел белизну...» <i>Перевел Я. Аким</i>	277
«Рассвет возвещал мне рождение дня...» <i>Перевел Я. Аким</i>	278
«То, что мы живем, что вместе оба...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	279
«Ты — женщина, и может быть...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	280
«Мы по дороге давней ранней ранью...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	281
«Я помню время давнею весной...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	283
«Была ты озарением моим...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	284
«Милая моя, совсем не страшно...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	285
«Я уподоблял тебя луне...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	286
«И я кому-то был на свете мил...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	287
«Судьба, прошу, не пожалей добра...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	288
«Дорогая, вслушайся сама...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	290
Кукушка. <i>Перевела Б. Ахмадулина</i>	292
«На Бичесынской стороне темно...» <i>Перевел Н. Гребнев</i>	294
Строки, сказанные женщине. <i>Перевел Н. Гребнев</i>	296
Говорю женщине. <i>Перевел Д. Долинский</i>	299
Говорю Лейле в Чегеме. <i>Перевел Н. Гребнев</i>	304
Вечерняя звезда. <i>Перевел Н. Гребнев</i>	313
Радость — золотая птица. <i>Перевел Н. Гребнев</i>	320

Кайсын Шувасвич Кулиев

ЖИВУ СРЕДИ ЛЮДЕЙ

М., «Советский писатель», 1976, 336 стр. БЗ-48-17-76

Художник *А. И. Белюкин*. Редактор *Г. Г. Валиков*.

Худож. редактор *Е. Ф. Капустин*. Техн. редактор *Р. Я. Соколова*

Корректор *Т. Н. Гуляева*.

Сдано в набор 4/VI 1976 г. Подписано к печати 6/IX 1976 г. А 14076. Формат 70×108^{1/32}. Бумага тип. № 1. Печ. л. 10,5. Усл. печ. л. 14,7. Уч.-изд. л. 7,77. Тираж 20 000 экз. Заказ № 478. Цена 95 коп. Издательство «Советский писатель». Москва Г-69, ул. Воровского, 11. Тульская типография «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109